

Д.Синор

МОНГОЛЫ НА ЗАПАДЕ*

Экономические и социальные факторы, в силу которых конфликты между Китаем, с одной стороны, и кочевыми империями Монголии, с другой, были почти неизбежными, обычно не благоприятствовали экспансии на запад. Поэтому завоевание монголами западных регионов, включая Иран и Восточную Европу, может быть расценено как побочный продукт личных амбиций, ошибок, сделанных недалевидными правителями, а также предоставления армиям свободы действий. Здесь будет предпринята попытка изложить главные особенности истории монголов на Западе с минимумом отступлений от темы. Вообще, эта тема является полем, усердно возделанным учеными, – педантичными и не очень, в объемных книгах и коротких статьях. Вместе с тем, я уже давно пришел к выводу о настоятельной необходимости краткого и ясного изложения этой истории – такого, которое бы способствовало популяризации и общему ознакомлению с ней, и одновременно благодаря учету новых материалов и исследований, было бы достойно публикации в академическом издании. Я думаю, читатели сумеют рассудить, насколько успешно автору удалось реализовать заявленные цели.

Распад государства Каракитаев может быть датирован 1218 г, когда беглый найманский хан Кучлук, в течение почти десятилетия проявлявший себя как достаточно эффективный правитель, был убит своими заклятыми врагами монголами¹. Целью монголов являлось не разрушение государства Каракитаев, а лишь наказание Кучлука, но в ходе преследования Кучлука они случайно столкнулись с энергичным, но недалевидным султаном Хорезма Ала ад-Дином Мухаммедом II (1200-1220 гг), который тогда же, в 1218 г, сильно недооценив мощь монголов, убил их посланников, что было фатальной ошибкой, так как подобные поступки у народов Центральной Азии всегда считались тяжчайшим преступлением. Монголы организовали карательную экспедицию, в тот же самый год начавшуюся вторжением в Трансоксанию, а затем

– на территории Афганистана и Восточного Ирана. Самоуверенное поведение Мухаммеда, планировавшего покорение Китая, не было обеспечено ни надлежащими государственными мероприятиями, ни соответствующими намерениям военными способностями. С бессмысленной самонадеянностью он сделал своим смертельным противником халифа, тем самым разъединив мусульманский мир накануне монгольского наступления; будучи незадачливым стратегом, он также не сумел использовать численное превосходство своей армии. Поскольку любой индивидум несет ответственность за исторические события, вина Мухаммеда Хорезмского в одном из самых больших бедствий в человеческой истории несомненна. Результат монгольского нашествия был в буквальном смысле разрушительным. Сложная система ирригации была непоправимо повреждена, и плодородные земли были превращены в пустыню; суровые, бесплодные области Ирана и Туркестана все еще сохраняют знаки того ужасающего усердия, с которым монголы производили разрушения.

В то время как Чингиз-хан оставался в Персии, чтобы лично направлять действия армии, два его военачальника, Джэбэ и Субэдэй (обычно упоминаемый как Subetei или Subotei), в своем преследовании пустившегося в бега Хорезмшаха достигли Кавказа². Зимой 1220-1221 гг они напали на Грузию, тогда управляемую царем Георгием Лашеном IV. Это была первая кампания, в которой монголам противостояла христианская армия, и, хотя инок Магакия говорит (Blake R.O., Frye R.N., 1949, pp.269-399) о “беспощадной резне”, совершенной “народом стрелков”, можно допустить, что небольшой корпус, которым командовали Джэбэ и Субэдэй, не преследовал цель захватить Грузию или Азербайджан. После нескольких нерешительных нападений на Ширван и Дербент монгольские тумыны пересекли Кавказ и в 1222 г вышли в южнорусскую степь, которая, начиная с сер. XI в., принадлежала тюркским племенам кыпчаков или куманов³. Согласно арабскому историку Ибн ал-Асиру, первая

* Перевод с англ. яз. В.П.Костюкова (Sinor Denis. 1999. The Mongols in the West// Journal of Asian History. Vol.33. No.1, pp.1-44).

¹ О новой интерпретации конца государства Каракитаев см.: Sinor D., 1995, p.263.

² Для получения большей информации см.: Allsen T., 1991, pp.11-17.

³ Обстоятельную информацию о кыпчаках или куманах см.: Golden P.B., 1997, pp.99-107.

победа монголов стала результатом расстройтва кыпчако-аланского союза, достигнутого напоминанием кыпчакам о том, что куманы и монголы “принадлежат к одной расе, аланы же вам чужие”; аргумент был сомнительный, тем не менее, куманы нашли его привлекательным (Marquart J., 1914, p.142). В январе 1223 г армия монголов вступила в Судак (Soldaia), главный торговый центр в Крыму, колонию Трапезундской империи, где она встретила смешанное население, состоявшее, главным образом, из греков и армян. Предательство куманов не дало им выгоды: отделенные от аланов, они теперь должны были в одиночку отражать нападение монголов. Хан Котян после поражения от монголов искал убежища у своего тестя Мстислава Галичского, предупреждая того, что “сегодня они (монголы) взяли нашу землю, а завтра придут и возьмут вашу” (цит. по: Marquart J., 1914, p.148). Котяну удалось убедить нескольких русских князей в том, что монголов следует встретить прежде, чем они достигнут русских границ. Это смелое решение первоначально принесло русскому войску и его куманским союзникам успех, однако оказалось недостаточным, чтобы избежать тяжелого поражения в сражении на р.Калка (современный Кальчик, небольшой приток Кальмиуса), которое, судя по разным источникам, имело место либо 31 мая, либо 16 июня 1223 года. Часть русского войска во главе с великим князем Киевским продолжала сопротивляться в течение трех дней, прежде чем сдалась на условии сохранения жизни. Однако после капитуляции все пленные были вырезаны, кроме князей, задавленных под досками, на которых монголы пировали, празднуя победу. Это было эпилогом сражения на Калке, “победы над русскими князьями, подобной которой, – как утверждает Тверская летопись, – не было от начала Русской земли” (цит. по: Marquart J., 1914, p.150).

Набеги монголов продолжались еще некоторое время, достигая Новгорода на севере и берегов Днепра на западе. Вялая попытка захватить Булгарию (Bulghar⁴), по всей видимости, закончилась неудачей. Ибн ал-Асир, описывая эти события, отметил, что монголы возвратились и встретили Чингиз-хана, возможно, в конце 1223 года.

Чтобы понять причины и механизм монгольского вторжения во главе с Джэбэ и Субэдэем, нужно иметь в виду, что они действовали, главным образом, по собственной инициативе, не имея от

Чингиз-хана иных распоряжений, кроме как пленить Хорезмшаха, и в ходе преследования подчинить власти монголов как можно больше народов. Скоординированные продвижения монгольских отрядов, разделенных тысячами миль, могли быть достигнуты только твердым следованием плану, который обязывал отдельных командующих появляться в должное время в должном месте, и вместе с тем оставлял на их усмотрение действия между контрольными датами⁵. Неожиданные отступления, например, из Руси, и нежелание захватывать хорошо укрепленные местности часто рассматривались современниками и историками как поражения, хотя в действительности они были обусловлены стратегическими установками, в то время абсолютно чуждыми западной военной мысли. Монгольские военачальники должны были твердо придерживаться предписанных им планов.

Завоевания монголов в Иране, а также непродолжительное, но впечатляющее вторжение на Русь не прошли незамеченными на Западе, хотя эти два события и не были связаны воедино, да и понимание того, что эти кампании проведены одними и теми же людьми, монголами, пришло не сразу. На всем протяжении истории отношений монголов с Европой их контакты, как враждебные, так и дружественные, осуществлялись лишь в двух регионах. Соответственно и информация шла через два отдельных канала. Взаимодействие между монголами и Западом происходило или в Святой Земле, через участников крестовых походов, или в Восточной Европе, главным образом через Венгрию. Это обстоятельство, как в аспекте мирных контактов, так и военных, редко принимается во внимание историками.

Вести о потрясениях, вызванных вторжением монголов в Среднюю Азию, и тяжелом положении мусульманского мира скоро достигли крестоносцев и пробудили большие надежды. В их умах монголы ассоциировались с мифическим народом пресвитера Иоанна⁶ или его сына Давида и, таким образом, воспринимались как христиане, потенциальные союзники участников крестового похода. В 1221 г армиям, собравшимся вокруг Дамьетты, Джеймс Витри “публично проповедовал, что Давид, король двух Индий, торопится на помощь христианам, ведя с собой свирепейшие народы, которые подобно диким зверям будут пожирать безбожных сарацинов”⁷. Под тем же самым 1221 г в хронике

⁴ Это Булгарское ханство, располагавшееся на Волге. Я пишу *Bulghar* вместо *Bulgar*, чтобы отличить его от Балканской Болгарии.

⁵ О координации монгольских военных операций см.: Sinor D., 1975a, pp.238-249.

⁶ Даже жестко отобранная библиография о пресвитере Иоанне заняла бы несколько страниц. Превосходный анализ вопроса дает Klopprogge A., 1993, pp.105-152. Единственный существенный пункт, который недостаточно подчеркнут, – это то, что легенда о пресвитере Иоанне лишь беллетристика, не имеющая связи с действительностью.

⁷ Латинский текст дан у: Zarncke F., 1876, p.9.

Альберика из монастыря “Trium Fontium” сделана запись, что король Давид прибыл в Куманию и Русь, где он разорил некоторые местности и убил много тысяч куманов и русских. Во введении к изложению событий следующего года Альберик отмечает, что короля Давида и его войско венгры и куманы называют татарами. Под 1223 г в хронике Риккарди записано, что “король Венгрии через своих послов уведомил римского папу о том, что некий король Давид, обычно называемый пресвитером Иоанном, с бесчисленным множеством людей пришел на Русь. Он оставил Индию семь лет назад, взяв с собой мощи святого апостола Фомы; и в один день они убили 200000 русичей и куманов (Plavci) ...” (Rerum Italicarum Scriptores 7/2, 1936-1938, pp.110-111). Ясно, что информация, которая достигла короля Венгрии прежде, чем он послал свое сообщение римскому папе, была, в целом, того же самого характера, как и использованная Джеймсом Витри, но пришла она из Восточной Европы, вероятно, из Руси. Это обнаруживается по этнониму *плавцы*, славянскому названию куманов (половцы). Было бы едва ли возможно ожидать славянское название куманов в сообщении, пришедшем из Святой Земли. С уходом монголов во главе с Джэбэ и Субэдэем “слухи, – указывает Альберик, – которые распространились об их имени, постоянно поддерживались” (Albericus Trium Fontium, 1874, p.912). Надежды участников крестового похода на прибытие к ним на помощь пресвитера Иоанна или Давида оказались тщетными; что же касается русских князей и венгров, вторжение монголов осталось для них эпизодом без последствий в длинном ряду конфликтов с кочевыми народами.

Чингиз-хан умер в августе 1227 года. Еще при жизни он разделил свою огромную империю между четырьмя сыновьями. Старший из них, Джучи, умер несколькими месяцами раньше отца, так что выделенный ему улус достался его сыну Бату. Это была самая западная часть того, что должно было стать Великой Монгольской Империей; предварительно она включала Хорезм, Сибирь к западу от Иртыша и равнину между Аральским морем и Уральскими горами. К Чагатаю, второму сыну Чингиз-хана, отошла Трансоксания, в то время как Толуй, самый младший сын, в соответствии с древней традицией унаследовал Монгольскую отчину. Третий сын, Угэдэй, должен был управлять странами, лежащими к востоку от Трансоксании, но на курултае (национальной ассамблее), проведенном в 1228 или 1229 г, он был избран Великим ханом, верховным правителем всей империи. Правление Угэдэя (1228/29-1241 гг) характеризуется укреплением власти монголов на территориях, завоеванных его отцом,

и дальнейшим расширением империи. Завоевание Северного Китая и новое завоевание Персии, где утвердившийся после ухода Чингиз-хана сын умершего Хорезмшаха Мухаммеда Джалал ад-Дин должен был покинуть страну, не имеют прямого отношения к нашему предмету. Более любопытный для нас факт заключается в том, что вскоре после своего вступления в должность Угэдэй созвал второй курултай, на котором было решено организовать большой поход на русских, аланов (называемых монголами асы) и болгар, чьи страны граничили с уделом Бату. Внушительная группа царевичей, включавшая сына Толуя Мункэ, будущего Великого хана, получила приказ усмирить “мятежников” (т.е. тех, кто еще не признал власть монголов); принцы были поручены бахадуру Субэдэю, ветерану предыдущих кампаний и, вероятно, *de facto* главнокомандующему этого второго вторжения. После курултая принцы возвратились в свои ставки для подготовки к кампании⁸. В соответствии с обозначенной ранее стратегией было согласовано место встречи, и в нач.1236 г, по словам Джувеини, “в пределах Булгара царевичи соединились: от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные” (‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini, 1958, p.269; прим. пер. – русс. текст цит. по: Тизенгаузен В.Г., 1941, с.23).

Левым крылом монгольской армии, обращенной на запад, командовал Мункэ, который, вероятно, должен был защищать ее тыл, находившийся на кыпчакских территориях. До куманов, должно быть, дошли слухи о надвигающемся вторжении, и один из их вождей, чье имя известно только в китайской транскрипции Ху-лу-су-мань (Hu-lu-su-man) (Pelliot P., Hambis L., 1951, p.97), нашел благоразумным предпринять дальнюю поездку в ставку Угэдэя, чтобы заявить о своей покорности. В его отсутствие армия Мункэ вторглась в восточную часть кыпчакских земель, где сын Ху-лу-су-маня, очевидно, покорился без сопротивления. Другой куманский вождь по имени Бачман после длительного и упорного преследования в болотистой части дельты Волги был пойман и убит, а его армия уничтожена. Такая же судьба постигла и предводителя аланов. После этого Мункэ, подчинивший Кыпчакскую степь, присоединился к другой монгольской армии у города Булгар, который был взят осенью 1237 года.

Как показывает тщательная подготовка похода против Булгарии – почти годовое затишье перед решающим нападением – он значил для монголов больше, чем простой захват важного центра торговли. Оперативный план (а в том, что такой план

⁸ Превосходный сжатый очерк этой первой европейской кампании монголов дан у: Пашуто В.Т., 1970, с.204-211.

существовал, вряд ли можно сомневаться) предусматривал завоевание Русских княжеств, Польши и Венгрии, т.е. фактически всей Восточной и части Центральной Европы; на осуществление этой колоссальной операции было необходимо несколько лет. Разгром Булгарии, если пользоваться современной терминологией, стал первым эпизодом в монгольском блицкриге – ряде разрушительных, фактически неотразимых нападений на множество русских городов. В соответствии со своими правилами, монголы предпочли вести военные действия в холодное время года, суровость которого для них была привычной, а замерзшие реки не препятствовали движению их отрядов. Рязань, защищаемая князем Юрием, пала 21 декабря 1237 г, далее настал черед Коломны, Владимира, Суздаля и Москвы, в то время еще незначительного городка. К началу марта 1238 г монголами были взяты 14 городов, включая Торжок, захват которого завершил эту кампанию, проведенную подобно грандиозной операции, в которой отряды, разделенные на колонны по десять тысяч человек (*тьмы*), систематически прочесывали всю страну. По словам Рашид ад-Дина, по окончании долгой и нелегкой кампании предводители монголов “расположились в домах и отдыхали” (Rashid al-Din, 1971, p.60). Это чрезмерно упрощенное утверждение может быть рассмотрено под более правильным углом зрения, если учесть замечание, содержащееся в записи под названием “О существовании Великой Венгрии”, сделанной неким братом Рихардом⁹, который извлек большую часть информации из письма Юлиана и, возможно, других венгерских авторов. Согласно Рихарду, в Magna Hungaria или вблизи нее монах-проповедник (возможно, Юлиан) встретил монгольского посланника, который сказал ему, что монгольское войско, находившееся на расстоянии пятидневного пути, “хочет идти в марте против Германии, но ожидает другое войско, посланное для разгрома персов”¹⁰. По всей видимости, монгольские армии, изготовившиеся к нападению на Запад, ожидали подкрепление, которое должен был прислать нойон Чормаган, могущественный проконсул западных территорий Ирана, Месопотамии и Кавказа. Даже если это и не совсем так, указанная информация все же демонстрирует еще один пример координации военных действий, столь характерной для монгольской глобальной стратегии. Весной 1238 г монголы все еще находились к востоку от Днепра. К сожалению, мы не можем ни отследить точную линию фронта, ни описать события следующих двух лет. Но вполне вероятно, что в этот период монголы не предприни-

мали никаких крупных операций, готовясь к массированному вторжению в Венгрию.

Не исключено, что ритм приготовлений был несколько замедлен интригами в высшем командовании. Соперничество среди высокопоставленных командиров – обычный фактор военной жизни, и в данном случае у нас есть возможность проследить развитие ссоры между Бату, с одной стороны, и Бури и Гуюком, с другой. “Сокровенное сказание” содержит текст донесения, якобы посланного Бату Великому хану Угэдэю. В нем Бату сообщает о том, как победоносные предводители монголов, подчинив русских и одиннадцать других народов, собрались на пир. Участвовавший в застолье Бату на правах старшего среди принцев сделал несколько глотков раньше других. Это было с негодованием воспринято Гуюком и Бури, которые отказались присутствовать на пиршестве, заявив: “Бату равен нам, почему он пьет первым?”. Другие принцы присоединились к Гуюку и Бури в оскорблениях Бату, которого они сравнили с “бородатой бабой”. Тяжко оскорбленный Бату, докладывая о происшествии Великому хану, своему дяде, особо подчеркивал, что конфликт разразился как раз в то время, когда “будучи посланными сражаться против многочисленных мятежных народов, мы спрашивали себя, останемся ли мы столь же удачливыми” (цит. по: Ligeti L., 1971, p.130, § 275)¹¹. Получив это сообщение, Угэдэй пришел в страшный гнев, и его ругательства в адрес Гуюка, подробно воспроизведенные в “Сокровенном сказании” (§ 276), оставляют довольно сильное впечатление. Решение Великого хана было вынесено в пользу Бату, которому он поручил проведение следующей кампании.

Остаток 1238 г был заполнен второстепенными операциями, очевидно, имевшими целью обеспечить безопасность флангов и тыла монгольской армии. Хотя передвижения отдельных ее частей невозможно проследить с должной точностью, мы знаем, что 26 декабря 1238 г на Крымском полуострове был вновь ограблен Судак. Другим эпизодом, имевшим большую важность, стало новое нападение на куманов, закончившееся их массовым уходом в Венгрию. Куманы, хотя и были лингвистически и расово гомогенными, в политическом плане являлись свободной федерацией племен, не зависимых друг от друга. Западная часть страны кыпчаков в течение некоторого времени была под властью уже упомянутого Котяна, который, несмотря на родственные связи с русскими князьями, не торопился принимать христианство. Возможно, ввиду опасности монгольского вторжения Котян

⁹ Заново переведен в Германии: Göckenjan H., 1985, pp.67-91.

¹⁰ Латинский текст у: Dogie H., 1956, p.158.

¹¹ Дан мой собственный перевод.

отправил послов к королю Венгрии Беле IV, прося убежища для себя и своего народа, включавшего приблизительно сорок тысяч воинов, и соглашаясь принять христианство. Поощряемый доминиканцами, увидевшими в этой иммиграции открытие нового и многообещающего поля прозелитизма и исполнение своих старых, лелеемых еще самим Св. Домиником надежд крещения куманов, Бела принял предложение. В Пасхальный день 1239 г он лично встретил Котяна на границе Венгрии и стал крестным отцом при его обращении в христианство. Накануне возможного вторжения монголов союз с властителем, располагавшим большой и отлично подготовленной армией, казался мудрым государственным решением, кроме того, факт прибытия народа, добровольно согласившегося подчиниться суверенитету короля, должен был повысить престиж Бела и его популярность, которая среди венгерской аристократии была довольно низкой. Однако все сложилось иначе. Интеграция тюркоязычных кочевых куманов в венгерское общество создавала множество проблем, и, благоволя новым вассалам, Бела отчуждался от большинства своего собственного народа. Напряженные отношения между королем и его вассалами, аристократией и простыми людьми сильно ослабляли страну как раз в то время, когда ей грозила беспрецедентная опасность.

Русские города и славянские селения не были единственными жертвами монгольского вторжения. Мордва, воинственный финно-угорский народ, сегодня рассеянный на обширной территории между реками Ока и Белая, а в XIII в. концентрировавшийся в области Средней Волги, тоже попала под монгольский удар, одновременно разрушивший и *Magna Hungaria*. Точное местоположение последней страны и ее этнический состав – предмет академической дискуссии, но для практических целей в пределах наших ограниченных знаний можно утверждать, что *Magna Hungaria* географически совпадает с Волжской Булгарией. Источники в XIII в. идентифицировали ее с землей башкир, ныне тюркоязычных, а также, как следует из ее названия, с землей венгров. Это были современники дунайских венгров, и поддерживаемое нынешними исследованиями представление, что *Magna Hungaria* была древним местожительством тех венгров, которые не мигрировали на Дунай, является необоснованным. В то время, которое

мы рассматриваем, интерес к *Magna Hungaria* был достаточно высоким, чтобы побудить нескольких венгерских доминиканцев отправиться в путешествие к своим дальним родственникам ради приобщения их к христианству. Вслед за ними другой доминиканский монах по имени Юлиан предпринял подобную же поездку, но к тому времени, когда он достиг “пределов Руси”, *Magna Hungaria*, Булгар и “другие многочисленные народы” были уже поработаны монголами. Резонно предположить, что миссионерское рвение было не единственным побуждением тех “проповедников, миноритов и других миссионеров, которых король Венгрии послал выяснять”, что были упомянуты в письме, отправленном епископом Венгрии епископу Парижа и процитированном Матфеем Парижским (Matthew Paris, 1882, p.76). Другими словами, Юлиан был шпионом и, фактически, сообщение, подготовленное им и дошедшее до нас в искаженной форме, содержит детальную информацию относительно местонахождения монгольских армий. Проходя через Суздаль незадолго до его захвата монголами, Юлиан был извещен Великим князем Юрием Всеволодовичем Владимиро-Суздальским, что “татары день и ночь совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего”¹². Предупреждения Великого князя были основаны на надежной информации. Он захватил монгольских послов, пересекавших территорию Владимиро-Суздальского княжества, и забрал у них письмо, адресованное королю Венгрии. С трудом расшифрованное и переведенное, оно оказалось ультиматумом:

“Я, Хан (*Chaun*)¹³, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в тридцатый¹⁴ раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал про-

¹² Цит по: Dorrie H., 1956, pp.177-178 (прим. пер. – русс. текст цит. по: Аннинский С.А., 1940, с.88). Я не могу согласиться с датами, предлагаемыми Н.Dorrie. Ср.: Sinor D., 1952. Немецкий перевод у: Göckenjan H., 1985, pp.93-125.

¹³ *Chaun*, должно быть, является искаженным титулом *qan*, в латинских текстах часто передаваемом как *cam* (Sinor D., 1952, pp.594-595). Полагаю, что автором ультиматума был Бату. Я следую в этом за Dorrie и думаю, что это весьма перспективная гипотеза. Содержание текста не оставляет сомнений в его подлинности.

¹⁴ Эта цифра выглядит завышенной, вероятно, здесь ошибка переписчика.

тив тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?” (прим. пер. – русс. текст цит. по: Аннинский С.А., 1940, с.88-89).

В целом, 1239 г прошел без особых событий, такая же ситуация сохранялась и на протяжении одиннадцати месяцев 1240 года. Но 6 декабря 1240 г после всего лишь девятидневной осады пал Киев, как представляется, наиболее важный город в русских землях. Раскопки дают печальную картину внезапности разрушения (Каргер М.К., 1958, с.496-508) города; в частности, там был найден горшок, наполненный овсяной кашей с торчащей в ней деревянной ложкой, эту кашу кто-то не успел доесть, когда дом был подожжен. Найдены дорогие бусины из хрусталя, которыми наполнили кувшин, зарытый и уже невостребованный бежавшим владельцем. Более печальные примеры – две маленькие девочки, спрятавшиеся в печи, из которой они уже никогда не вышли, или место укрытия нескольких отчаянных людей, пробовавших прорыть подземный ход, чтобы выбраться из горящего города, но стены над ними разрушились, похоронив всех, включая некоего ремесленника, который, в принципе, может быть идентифицирован как тот самый человек, что оставил свою кашу несъеденной в другой части города. Вероятно, никто в то время – и меньше всего сами монголы – не понимал значимости падения Киева. Ведь это было первой и основной причиной перемещения центра государственности Руси на восток, в Москву – события, оказавшего огромное влияние не только на российскую, но и на мировую историю.

За захватом Киева последовало падение родов Галиции и Волыни, но все это были незначительные операции, нацеленные на подготовку к нападению на Венгрию, стратегическую цель монгольского похода.

Вторжение в Венгрию – классический пример долгосрочного стратегического планирования, осуществленного со скрупулезной обстоятельностью в беспрецедентном масштабе. Монголы предусматривали против Венгрии наступление тремя корпусами, где правые и левые крылья были готовы начать атаку по трем направлениям, в то время как центр, будучи главной силой, продвигался монолитным фронтом. Правым флангом, обращенным на запад, командовал брат Бату Орда, в его подчинении были сыновья Чагатая Байдар и Кайдан. Выдвигаясь на запад из Владимира, он в качестве первоочередной цели преследовал нейтрализацию польских и силезских союзников Белы. Дочь Белы Кинга была женой Болеслава, сына Лешека Белого из династии Пястов. Правое крыло армии Орды под

его персональным командованием, перемещаясь в северо-западном направлении, шло вдоль границы Пруссии или фактически было введено в Пруссию и после этого, по сути, обходного маневра поворачивало на юг к Бреслау (Вроцлаву). Центр корпуса Орды под командованием Кайдана продвигался по практически прямой линии в направлении Бреслау, в то время как левое крыло во главе с Байдаром форсировало Сан и двигалось на юго-запад к Кракову. Сандомир пал 13 февраля, а Краков 22 марта 1241 года. Наступление Байдара было преднамеренно медленным, ориентированным вдоль течения рек, вначале Сана, потом Вислы, а после взятия Кракова, вдоль Одера. 2 апреля под Бреслау Байдар присоединился к армиям Орды и Кайдана. В очередной раз выбор времени для соединения оказался безупречным. Город был подожжен либо монголами, либо самими его жителями, нашедшими убежище в крепости, расположенной на острове. Атака крепости оказалась неудачной, но монголы не стали задерживаться у этого первого серьезного препятствия на своем пути с тех пор, как они покинули Владимир. 9 апреля на поле битвы у Лигницы они столкнулись с силами Генриха II, герцога Силезии, кузена Белы, которому сильным контингентом помогали крестоносцы. Победа монголов здесь была более чем убедительной, сам Генрих II был убит на поле сражения. Националистические утверждения немецких ученых, высказываемые время от времени в том смысле, что сражение, пусть и проигранное, предотвратило вторжение в Германию, безосновательны. Цель монголов состояла в окружении Венгрии, в которую теперь, когда их тыл был в безопасности, они вступили с северо-запада через Моравию. Поэтому армия Орды была обязана, не отвлекаясь, двигаться на соединение с армией Бату в районе Пешта, который она намеревалась достичь, идя вдоль течения по левому берегу Дуная. Недостаток времени не позволил также вторгнуться в Богемию, мудрый король которой Венцеслав, хотя и был готов защищать свои земли, избегал какой-либо враждебной инициативы. Небольшой монгольский отряд, посланный разведать австрийскую границу, отступил после первого же соприкосновения с противником.

Личность главнокомандующего левого крыла, обращенного на юг, не может быть установлена с достаточной уверенностью. Мы знаем лишь, что Кадан, сын Великого хана Угэдэя, вместе с Бури, внуком Чагатая, отвечал за корпус, который 31 марта, двигаясь с северо-востока, пересек Карпаты через проход Борго в Трансильвании. Другой, вероятно более слабый, монгольский корпус, командующий которого не известен, обошел по дуге Карпаты и пересек их через перевал Ойтуз. Третье, самое южное, подразделение левого крыла вступил

ло в Трансильванию через дефиле реки Олт. Три вышеупомянутые армии соединились в Ксанеде, в районе слияния Мароша и Тиссы. Эти сходящиеся группы армий не встретили сколько-нибудь организованного сопротивления, и теперь были готовы присоединиться к армиям Орды и Бату для решающего сражения с венгерским королем.

Находившийся под управлением Бату, главнокомандующего всеми монгольскими силами на западе, центральный армейский корпус был готов к наступлению вдоль Днестра. Субэдэй, герой столь многих монгольских побед, и Шибан, брат Бату, были его помощниками. Поскольку нет никаких надежных сведений о численности трех монгольских армий, представляется, что та из них, которой командовали Бату и Субэдэй, была более мощной, чем объединенные силы правого (Орда) и левого (Кадан и другие) крыльев. Бату хотел войти в Венгрию с севера, через “Русские ворота”, то есть Верешский проход, приблизительно за триста лет до описываемых событий использованный самими венграми при завоевании своей будущей родины. Некоторое время казалось, что это новое нападение уничтожит государство, образовавшееся в результате более раннего вторжения; в лаконичной формулировке Баварского летописца “королевство Венгрия, которое просуществовало три с половиной сотни лет, разрушено татарами”¹⁵.

Бела IV знал о монгольской угрозе (хотя и не известно, получил ли он вышеупомянутый ультиматум и, если получил, отнесся ли к нему серьезно) и приложил большие усилия к тому, чтобы повысить обороноспособность своей страны. Получив известие о падении Киева, он приказал укрепить венгерские границы и проверить надежность имевшихся древесных засек. Он также сделал все, что было в его силах, чтобы убедить аристократию в необходимости сформировать армию и скоординировать оборонительные мероприятия. 15 марта, как раз во время встречи, на которой обсуждались защитные меры, он получил новость, доставленную тем самым человеком, которому была поручена оборона Верешского прохода: 12 марта венгерские силы, защищавшие проход, были уничтожены монголами. Вопреки ужасным новостям, серьезность ситуации не была осознана феодалами, не доверявшими Беле и ненавидевшими Котьяна, которого они обвиняли в нападении монголов, а его людей подозревали в предательстве. К этому времени передовые отряды монголов достигли Пешта, ограбили город Вач, располагавшийся примерно в двадцати милях к северу, и завязали множество перестрелок, избегая при этом крупных столкновений. Внешнее сходство появившихся монголов с куманами еще

больше укрепило веру в предательство последних. Котьян и его ближайшее окружение пали жертвою самосуда толпы, и это стало причиной массового исхода куманов. Справедливо разгневанные, они двинулись на юг, в Болгарию, грабя и уничтожая все на своем пути, нападая на венгерские отряды, перемещавшиеся по призыву Белы на север. Анархия и смятение овладели Венгрией, и в ней никто, включая короля, не мог реально оценить монгольскую военную мощь. Привыкшие к прежним вторжениям степных племен, вроде печенегов или куманов, и в течение столетий не испытывавшие горечи поражения на своей земле венгерские феодалы оставались самонадеянно уверенными в своем военном превосходстве.

Армия Бату перемещалась на юг в темпе улитки, давая время для подтягивания правого и левого крыльев, которые, чтобы достигнуть Пешта одновременно с главными силами, должны были преодолеть намного большее расстояние. Бату мог подойти к Пешту за неделю и, таким образом, воспользоваться неподготовленностью венгров, о которой он, без сомнения, был хорошо осведомлен. Но поскольку первоначальный план операции предписывал решающее сражение, которое можно было дать только после соединения трех армейских корпусов, Бату не проявлял склонности вступить в поединок с армией Белы. Тем не менее, он все же был вынужден это сделать, потому что в начале апреля отряды, собранные королем, вышли из Пешта, чтобы встретить и остановить наступающих монголов. Соприкосновение произошло примерно на полпути между Пештом и Верешем около реки Сайо, первоначально разделявшей их, через которую 11 апреля силы Бату совершили ночное нападение на венгерский лагерь, нанеся застигнутому врагу противнику ужасающий урон. Самому королю с большим трудом удалось вырваться из побоища. В то время как результат столкновения бесспорен – некоторые полагают, что это была скорее резня, чем сражение, – историки не соглашаются в своих оценках очевидного безрассудства Белы. Конечно, венгры могли добиться большего успеха; вместе с тем, не подлежит сомнению, что в то время ни одна армия феодального типа не могла соперничать с дисциплинированными, великолепно обученными, профессиональными воинами монгольской армии. Редко рассматриваемая мера эффективности венгерского сопротивления – размер ущерба, нанесенного атаковавшим монголам. Потери были очень тяжелы, и в 1245 г, когда францисканец Иоанн Плано Карпини посетил Монголию, о них все еще хорошо помнили. Монах отметил существование специальных кладбищ, предназначенных для тех,

¹⁵ “*regnum Hungariae quod 350 annos duravit a Tataris destruitur*”, цит. по: Strakosch-Grassman G., 1893, p.159.

кто был убит в Венгрии¹⁶; он также обнаружил в лагере Бату роскошные шатры, прежде принадлежавшие Беле IV.

Хотя поле битвы осталось за Бату, он не ускорил продвижение вперед. Монгольские отряды рассеялись, терроризируя и грабя население, а главная армия продолжила свой неторопливый марш к Дунаю. К осени того же года территории севернее и восточнее Дуная были заняты монголами, и сопротивление, оказываемое изолированными группами венгров, было сломлено.

Крах Венгрии стал истинным потрясением для римского папы, императора Фридриха II и других государей Запада; все они были готовы заклеить Белу (по выражению Фридриха, “ленивого и чрезвычайно беспечного” короля)¹⁷, вместе с тем, ни один из них не пожелал предоставить ему действительную помощь для предотвращения дальнейшего продвижения монголов. Бела, находясь теперь в западных (задунайских) областях Венгрии, предвидел, что монголы будут пытаться форсировать Дунай, и делал все, что было в его силах, чтобы остановить продолжающееся опустошение страны. Опыт показал, что укрепления, пусть и неспособные остановить движение монголов (чаще всего они их просто обходили), по крайней мере, служили для защиты населения. Король делал все возможное, чтобы увеличить их количество и обеспечить достаточными средствами обороны.

Страна к востоку и северу от Дуная была брошена на милость монголов и погрузилась в хаос, но Бела IV, благодаря удаче и преданности некоторых своих людей, сумел спастись. Когда он, убегая на запад, достиг австрийской границы и остановился в Пожони (Прессбург, Братислава), Фридрих, герцог Австрии, предложил ему быть его гостем. “Но увьи! – сообщает нам «Горестная песнь о разорении королевства Венгрии татарами»¹⁸, написанная каноником Варада Рогерием, – бедный король оказался в положении рыбы, которая, пытаясь избежать заморозжения в леднике, подпрыгивает и попадает в огонь, где ей предстоит быть зажаренной”¹⁹. Как только король оказался в руках герцога, тот выдвинул непомерные требования. Он усердно вымогал

и получил-таки три венгерских округа, а также настаивал на выплате очень крупной суммы. Бела, беглец, неспособный выполнить эти требования, должен был оставить в залог все серебряные и золотые сосуды, которые он успел захватить, пускаясь в бегство. Понятно, что в этих обстоятельствах венгерский король не пожелал оставаться в Австрии. В середине мая 1241 г мы находим его в Хорватии, в Загребе, откуда он пытался реорганизовать то, что осталось от его страны, и предотвратить возможное форсирование монголами Дуная.

Монголы, между тем, кажется, приостановили свой марш, расположившись к востоку и северу от Дуная и предпринимая отдельные набеги на территорию Австрии. Сообщения об этом периоде противоречивы, в том числе имеется странный рассказ, разумеется, лишенный всякой исторической основы, будто сам Бату погиб, утонув в Дунае²⁰. Ввиду паузы в движении монгольских армий германские войска короля Конрада IV, сына императора Фридриха II, соблазненного ложным чувством безопасности, были расформированы. Бела оказался более проницателен. Он считал само собой разумеющимся, что монголы будут пытаться пересечь Дунай, и действовал соответственно, пытаясь организовать эффективное сопротивление. Поскольку одолеть монголов в полевом сражении не было никакой надежды, Бела обратил особое внимание на строительство укреплений, которые, если они имели добротные баллистарии, давали хороший шанс выстоять против монгольских атак. В этом отношении наиболее информативным является письмо от 19 января 1242 г, посланное кому-то из тех, кто мог стать преемником римского папы Григория IX:

“Слушайте! Уже третий раз мы посылаем к Вашему Преосвященству наших возлюбленных монахов-проповедников, подателей этих подарков, в соответствии с их собственными волею и с пожеланиями их прелатов; умоляем Ваше Преосвященство и уповаем, что стоны повергнутых в рабство, рыдания погруженных в траур вдов, детей и сирот достигнут сердца Вашей Святости и Вы, превыше всего озаботившись великим рвением Церкви к тому, чтобы ее недавно возделанное поле в Венгрии

¹⁶ Carpini III, 14: *Aliud est in quo sepulti sent illi qui in Hungaria interfecti fuerunt; enim ibidem fuerunt occisi*. Это одно из наиболее поразительных утверждений Карпини, которое комментаторы текста обычно игнорируют. Карпини располагает эти кладбища в далекой Монголии! Тем не менее, остается фактом, что, согласно обычно надежному *Hei-Ta shih-lueh*, монголы того времени прилагали существенные усилия к тому, чтобы доставить домой тела своих павших товарищей. Ср.: Olbricht P., Pinks E., 1980, p.223.

¹⁷ *rex deses et nimis securus*, в письме королю Англии Генриху III, датированном 3 июля 1241 года. Ср.: Matthew Paris, 1882, p.113.

¹⁸ “A pitiful tale on the destruction of the Hungarian Kingdom by the Tatars”. Немецкий перевод “Горестной песни”, сопровождаемый обширными комментариями, см. у: Göckenjan H., 1985, pp.127-223.

¹⁹ Текст в: *Scriptores Rerum Hungaricarum*, 1938, p.575.

²⁰ См.: Sinor D., 1941-1942, pp.201-208. Как я обнаружил недавно, “утопление” Бату упомянуто также у: Hayton, 1906, p.162. Для полного ознакомления с другими версиями мнимой смерти Бату см.: Halperin Ch.J., 1983, pp.50-65.

не было полностью и безжалостно уничтожено, как можно быстрее направите в Венгрию солдат, опытных и усердных, способных стать стеной за Дом Господень вместе с нами и с нашими людьми, которых пока еще, благодаря Божественному Провидению, остается довольно много, в первую очередь для того, чтобы река Дунай, которая до настоящего времени по милости Всемогущего предотвращает их [то есть монголов] дальнейшее продвижение, не была ими форсирована и, тем самым, не была бы стерта память об имени Христа и славе нашей короны, которую наши отцы поддерживали, и мы поддерживаем благословением Римской Церкви ... Поэтому мы просим Вашу Святость, чтобы Вы проповедовали крестовый поход среди венецианцев, чьи топоры сейчас так нужны нам для сооружения баллистарий, крайне необходимых для защиты упомянутой реки и других владений католических князей” (Huillard-Breholles J.L.A., 1861, pp.903-904).

То, что предсказывал Бела, случилось. Где-то в феврале 1242 г.²¹ монгольская армия пересекла Дунай. Вот как это событие описывает каноник Рогерий в своей “Горестной песне”:

“Слушайте! Зимой снег и лед были столь изобильны, что Дунай замерз вплоть до самых его вершин, чего никогда прежде не было. Венгры каждый день ломали лед со своей стороны и охраняли Дунай, так что шла непрерывная борьба пехотинцев со льдом. Однако когда установились сильные морозы, и Дунай все же замерз, монголы не стали пытаться пересекать его по льду. Слушайте, что они сделали. Они пригнали много лошадей и других животных к берегу Дуная, но в течение трех дней не посылали никого, кто бы заботился о них, так что животные, казалось, были оставлены без присмотра и охраны; и ни один из их людей не показывался на виду в тех местах. Тогда венгры, думая, что татары отступили, быстро пересекли реку и увели животных по льду. Когда татары увидели это, они поняли, что могут свободно пересечь реку верхом. Они так и сделали, и так много их бросилось в атаку, что заполнили они всю поверхность земли от того берега Дуная”²².

К западу от Дуная, являющегося западным рубежом Евразийской степи, монголов интересовало не столько приобретение территории, сколько пленение короля-беглеца, которого Кадан преследовал с той же энергией, какую ранее Джэбэ и Субэдэй проявили в преследовании Мухаммеда Хорезмского. Даже причины для мести монголов

были, пожалуй, теми же самыми: вероятное убийство (во всяком случае, подозрительное исчезновение) посланников, в чем монголы упрекали Бела в цитированном выше ультиматуме.

Однако преследование монголами короля было менее успешным, чем их попытка захватить Мухаммеда. Бела, подобно султану Хорезма, считал, что самым безопасным убежищем от монгольских всадников будет остров, поэтому он бежал в юго-западном направлении, к Хорватии и Адриатическому морю, где после многих приключений, наконец, нашел укрытие на острове, расположенном перед городом Трогир. Его преследователи, не сумев захватить беглеца и испытывая затруднения в свободе действий ввиду недостатка подходящих пастбищ, ограничились серией грабительских налетов в Далмации и Хорватии, после чего в рамках общей эвакуации монгольской армии из Венгрии пересекли Сербию и присоединились к главным силам Бату в Болгарии. Монгольский корпус, действовавший в восточных районах страны, ушел через перевалы Трансильвании, т.е. тем же путем, по которому он вторгся в страну. Эвакуация из Венгрии – еще один достойный восхищения пример военного планирования – была закончена к маю 1242 года.

Согласно Плано Карпини, уйти из Венгрии монголов побудила смерть Угэдэя. Хотя отчет францисканского монаха крайне ценен, он все же содержит немало ошибок, и среди них указанное объяснение является одной из самых существенных. К сожалению, эта ошибка увековечивалась многими поколениями историков (в том числе и автором настоящей статьи), ибо никто никогда особенно не задумывался о слабости тезиса. Угэдэй умер 11 декабря 1241 года, и считалось, что Бату, который мог иметь личные имперские амбиции, получив эту новость, принял решение возвратиться в Монголию или, по крайней мере, продвинуться ближе к ней. Однако остается фактом, что Бату не проявил никаких признаков желания отправиться в Монголию и после эвакуации из Венгрии остался в Южно-Русской степи, весьма удаленной от имперского центра. Вынашивал ли когда-либо Бату планы стать Великим ханом – спорный вопрос, но, определенно, в его поведении подобные намерения никогда не замечались. Доступная нам информация свидетельствует, что он был вполне удовлетворен своим статусом фактического правителя западной части Монгольской империи и выказывал сугубую лояльность преемнику Угэдэя, Гуюку. Причину

²¹ Дата из сообщения Фомы Сплитского. Согласно же “Горестной песне” Рогерия, это произошло в Рождество 1241 года. Я предпочитаю датировку Фомы, поскольку, как мы видели, 12 февраля Бела был еще в неведении о продвижении монголов. Если бы оно случилось в Рождество, король об этом, конечно же, знал бы.

²² Текст в: *Scriptores Rerum Hungaricarum*, 1938, pp.583-584.

ухода монголов из Венгрии, следовательно, нужно искать в другом: она была вызвана тыловыми императивами.

Невозможно дать точную оценку численности армии монголов, не говоря уже о величине отрядов, вторгшихся в Венгрию. Современник событий Рогерий говорит о 500 тысячах, но это, конечно, явное преувеличение. По данным Симона де Сент-Кантена (Richard J., 1965, p.93), армия Бату (в 1245 г) была в семь раз меньше армии Угэдэя, действовавшей на Ближнем Востоке и насчитывавшей 600 тысяч человек, из которых 160 тысяч были монголами. Монгольская армия была разделена на тумены, войсковые единицы по десять тысяч воинов, и трудно вообразить, что каждый из четырех армейских корпусов, составлявших правое и левое крыло армии Бату, был меньше одного тумена. Таким образом, вместе они имели, как минимум, 40 тысяч человек. Армия Белы, как полагают, насчитывала 65 тысяч человек, и логично предположить, что центр монголов, противостоявший армии Белы и нанеший ей поражение, имел, по меньшей мере, такую же численность. Таким образом, при очень осторожной оценке монгольских сил вторжения можно утверждать, что они насчитывали от 105 до 150 тысяч человек, что намного меньше любой цифры, найденной в наших источниках.

Военное могущество всех великих империй кочевников, в том числе и Монгольской империи, опиралось на конницу и практически неистощимые резервы лошадей. Как писал о монголах Плано Карпини, “вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире” (The Mongol Mission ..., 1955, p.8; прим. пер. – русс. текст цит. по: Джиованни дель Плано Карпини, 1993, с.24). Есть свидетельства, что каждый воин имел, по крайней мере, три или четыре лошади, а Марко Поло говорил даже о восемнадцати заводных лошадях для каждого человека! При учете потерь, понесенных монголами, мы можем считать, что 100 тысяч человек, введенных в Венгрию, нуждались по самым скромным подсчетам в 400 тысячах лошадей. Под выпас в Венгрии могут или могли использоваться приблизительно 42000 км² (10378425 акров) земли. Оценки качества или урожайности пастбищ варьируют в широких пределах, но если согласиться, что в то время для содержания одной лошади в течение года были необходимы приблизительно 25 акров земли, то Венгрия была способна прокормить 415136 лошадей. При далеком от реальности условии, что эти пастбища не

использовались никакими другими животными, и считая по пять лошадей на каждого монгольского всадника, Венгрия могла обеспечить фуражом лошадей только 83027 воинов, что явно меньше численности монгольской армии. Монгольское высшее командование, таким образом, оказалось в положении, подобном положению командира современного подразделения бронетехники, вынужденного отступать из-за нехватки горючего. Продвижение далее на запад, в Задунавье, только бы осложнило проблему. Монголы традиционно прекращали военные действия весной, давая лошадям возможность нагулять силы и расплодиться с тем, чтобы они были готовы к войне осенью. Это и есть та причина, которая заставила монголов весной 1242 г уйти из опустошенной, с потравленными угодьями Венгрии в богатую пастбищами степь, где они могли пополнить и освежить табуны, бывшие основой их военной мощи²³.

Вначале Угэдэй назначил наследником своего третьего сына Кучу. Но Кучу умер раньше отца, и тогда тот издал указ о назначении преемником сына Кучу, юного Шарамуна. Вдова Угэдэя *хатун* Туракина не одобряла этот выбор и вознамерилась посадить на место покойного хана своего старшего сына Гуюка. Организация курултая была нелегкой задачей, так как избиратели, многочисленные потомки Чингис-хана, были рассеяны по всей огромной империи. В то время как они медленно съезжались в Каракорум, где должны были состояться выборы, правительство, уже фактически возглавляемое Гуюком, продолжало заниматься повседневными делами, а Туракин-хатун, мобилизуя все искусство дипломатии, как пишет Рашид ад-Дин, “посредством подарков и милостей располагала к себе сердца родичей и эмиров, пока все они не почувствовали к ней склонность и не оказались под ее влиянием” (Rashid al-Din, 1971, p.176). Туракина достигла своей цели, и 24 августа 1246 г Гуюк был возведен на престол; впечатляющую церемонию интронизации описал Плано Карпини.

Францисканец был наиболее успешным из трех посланников, направленных римским папой Иннокентием IV весной 1245 г, чтобы узнать как можно больше о людях, произведших такое опустошение в Венгрии, а также призвать их неведомого правителя воздержаться от новых нападений и принять христианство. Посланники должны были доставить два письма, адресованных “королю и народу Татар”, одно (*Dei patris immensa*) было датировано 5 марта, другое (*Cum non solum*) – 13 мар-

²³ Обо всем этом см.: Sinor D., 1972, в частности, pp.181-182. Здесь я принял во внимание также некоторые замечания, сделанные R.P.Lindner (1981, pp.3-19). Весьма основательный обзор различных научных подходов к проблеме ухода монголов из Венгрии дан у: Rogers G.S., 1996, pp.3-26.

та²⁴. Миссия во главе с доминиканцем Асцелином направилась к монголам через Анатолию. Где-то в районе Тбилиси Асцелин был принят монгольским военачальником Байджу, командующим войсками на Кавказе, с которым посланнику не удалось наладить диалог, и чей ответ на письмо папы он привез в Лион. Другая миссия, возглавляемая французским доминиканцем Андре Лонжюмо, отправилась через Сирию и близ Тебриза нашла монгольскую армию, бывшую под командованием человека, чей дядя принимал участие в венгерской кампании. Андре встретил там также приближенного Великого хана Угэдэя, несторианского священника Симеона, более известного как Раббан Ата, который был послан в Армению где-то между 1235 и 1240 годами. Человек высокопоставленный и влиятельный, он использовал свое положение на благо христиан, живших под управлением монголов.

Несомненно интересные и важные миссии Асцелина и Андре Лонжюмо полностью затмила миссия уже не раз упомянутого Плато Карпини²⁵. Одна из поразительных особенностей его предприятия – маршрут, которым он решил следовать. У двух прежних посланцев отправной точкой была Сирия, Карпини же проследовал через Польшу и Русь, то есть по пути вторжения монголов в Венгрию и маршруту Юлиана, по которому тот возвращался из своего путешествия. Имеется также свидетельство того, что Плато Карпини при возвращении в Лион беседовал с королем Венгрии (Sinor D., 1957, pp.193-206). Как было подчеркнуто ранее, связь между монголами и Европой осуществлялась по двум каналам: по Святой Земле через Средиземноморье и по Восточной Европе через Венгрию. Последний канал был более удобным способом достигнуть монгольских владений: Бату на западе и Великого хана в Монголии. Карпини должен был встретиться с обоими, сначала с Бату, кочевавшим в низовьях Волги, человеком очень милостивым к своим людям, а в бою весьма жестоким и пронизательным, “так как он сражался уже долгое время” (The Mongol Mission ..., 1955, p.57); а потом с самим Гуюком после его интронизации. Гуюк был, на взгляд Карпини, в возрасте между сорока и сорока пятью годами, хотя на самом деле он был, по меньшей мере, на десять лет моложе, Карпини пишет также, что “он небольшого роста;

очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером” (The Mongol Mission..., 1955, p.68).

Содержание монгольских писем, доставленных римскому папе Асцелином и Плато Карпини, было зловещим: монголы требовали полного подчинения, и даже дружественное послание от вышеупомянутого Раббана Ата побуждало римского папу заключить мир с ними, “ибо их мощи не сможет воспротивиться весь христианский мир”²⁶. Впечатляющая масса информации, доставленной Карпини, подтверждала то гнетущее чувство, что вызывали письма. Фактически монах принес тревожную весть, что новый Великий хан Гуюк, возможно, симпатизирующий христианам, тем не менее, готовится к нападению на все христианские народы и королевства Запада. Судьба распорядилась иначе. Правление Гуюка оказалось чрезвычайно коротким, он умер весной 1248 г, меньше чем через два года после восшествия на престол. Его вдова Огул Гаймиш, в течение некоторого времени хранившая смерть мужа в тайне, продолжала управлять делами, впрочем, много времени проводя в компании шаманов, на чьи советы она, очевидно, целиком полагалась. Она пыталась гарантировать преемственность Ширемуну, который был не допущен к власти своим дядей Гуюком. Теоретически, власть над монголами должна была перейти к одному из сыновей Гуюка, но эта идея не казалась привлекательной Бату, отношения которого с Гуюком, начиная с достопамятного банкета, оставались напряженными, и который не питал никаких симпатий к Огул Гаймиш. Где-то в 1250 г она приняла Андре Лонжюмо, в ходе его второй миссии к монголам. В данном случае Андре представлял короля Франции Людовика IX, взявшего на себя труд продолжить усилия, начатые Иннокентием IV. Эта попытка закончилась полной неудачей: Огул Гаймиш восприняла французское посольство как еще одну просьбу о милосердии, и ее ответ Людовику IX был изложен в выражениях, столь же жестких и безапелляционных, как и в письмах ее покойного мужа. Огул Гаймиш должна была опасаться враждебности не только Бату, но также и Соркуктанибеки – вдовы Толуя, дяди Гуюка, – христианки, и, по словам Рашид ад-Дина, “самой умной женщины в мире” (Rashid al-Din, 1971, p.199). Соркуктанибеки сосредоточила усилия на избрании правителем

²⁴ Английский перевод этих писем дан в: The Mongol Mission..., 1955, pp.73-76. Эти события изучены достаточно всесторонне. Для полноты картины мне следовало назвать хотя бы наиболее важные исследования, но, как мне кажется, в данном случае нет необходимости в библиографических ссылках.

²⁵ Издание A. van den Wyngaert (1929) теперь дополнено фундаментальным итальянским изданием с полным переводом и комментариями, подготовленными группой итальянских ученых (Pian di Carpine G., 1989). Заслуживают внимания также новый английский перевод (Hildinger E., 1996) и два немецких (Giebauf J., 1995; Schmieder F., 1997).

²⁶ Текст послания передан Матфеем Парижским (Matthew Paris, 1882, p.115).

монголов своего сына Мункэ и послала его к Бату, чтобы он смог гарантировать для себя доброжелательность этой влиятельнейшей персоны. Получив поддержку Бату, Соркуктани-беки умножила свои старания в пользу сына. Возражения поступили от тех верноподданных, которые считали, что правителем должен стать один из сыновей Гуюка, и не хотели принять главный аргумент Бату, что сыновья Гуюка еще слишком молоды, чтобы управлять огромной империей. Избрание Мункэ его противники надеялись предотвратить простым способом: неучастием в курултае. Но, как говорится, *les absents ont toujours tort*. По настойчивому требованию Берке – младшего брата Бату и его доверенного представителя в Монголии – старый *kingmaker* послал повеление: “Возведите его (Мункэ) на трон”. По сему распоряжению курултай избрал Мункэ, а Огул Гаймиш, которую (в письме Людовика IX) новый император заклеил как особу “более презренную, чем собака” (The Mongol Mission ..., 1955, p.203), была казнена.

Письмо, содержащее это проклятие, доставил францисканец Гильом Рубрук, часто называемый послом Людовика IX, что не совсем правильно. На самом деле, монах, обуреваемый миссионерским рвением, ездил к монголам по своему собственному почину. Он оставил Палестину в нач.1253 г, пересек Черное море и направился в Монголию по “северному маршруту”, которым ранее воспользовался также Плано Карпини. 27 декабря 1253 г он достиг ставки Мункэ, где оставался до начала июля следующего года. По возвращении он привез с собой письмо Великого хана, адресованное королю Франции, в котором были повторены притязания монголов на мировое господство.

В своих поистине достопримечательных беседах с Г.Рубруком (The Mongol Mission ..., 1955, pp.236-239) Мункэ подчеркивал важность Бату, поясняя свои отношения с ним таким сравнением: “у головы два глаза, и хотя их два, однако зрение их одно, и куда один направляет взор, туда и другой” (прим. пер. – русс. текст цит. по: Рубрук Г., 1993, с.155). Очевидно, он полностью доверял человеку, которому был обязан трон, и был удовлетворен *status quo* в Золотой Орде, как позже по не совсем ясным причинам стало называться владение Бату²⁷. Планы Мункэ касались, главным образом, двух формально считающихся “мятежными” регионов, в которых ситуация была не слишком благоприятной для монголов. Мункэ намеревался, опираясь на помощь своего брата Хубилая, сконцентрировать собственные усилия на оживлении военных действий против династии Сун в Южном Китае. Другое направление усилий – Персия, уже однаж-

ды побежденная Чингиз-ханом; но с тех пор власть монголов здесь ослабла, и Мункэ поручил другому своему брату, Хулагу, восстановить монгольское господство. Командующие войсками в Закавказье, Чормаган и позже Байджу, были заняты, главным образом, Кавказом, Верхней Месопотамией и Малой Азией, где после поражения в 1243 г в битве при Козе-Даге Сельджукский султанат в Анатолии стал монгольским вассалом. Восстановление позиций империи в Иране не представляло для Хулагу больших затруднений. Вторжение под руководством Хулагу являлось, как и венгерская кампания, шедевром стратегического планирования и привело к уничтожению исмаилитов, а 10 февраля 1258 г – к захвату Багдада и убийству последнего аббасидского халифа. Тем самым Хулагу установил свое собственное правление на Ближнем Востоке. Несмотря на близкие отношения со своими братьями, два из которых один за другим становились Великими ханами, Хулагу стал первым (1256-1265 гг) в ряду самостоятельных правителей Ирана, называвшихся Ильханами. Все вышесказанное является, разумеется, достаточно хорошо известным, но я полагаю, что здесь было бы полезно напомнить основные события.

Бату умер в 1256 году. Его сын Сартак, вероятно, несторианин, находился в Монголии, когда пришла весть о смерти его отца, и он прямо здесь был назначен Мункэ правителем домена Бату. Однако он умер на пути назад в Кыпчакскую степь, почти сразу же за ним в могилу последовал его сын (или брат) Улагчи. Освободившееся место занял брат Бату Берке (1257-1267 гг).

В течение некоторого времени казалось, что Берке вслед за своим братом продолжит прежнюю политику экспансии на запад, в частности, против Волыни и Галича были предприняты несколько мелкомасштабных операций. Более неожиданным и важным явилось то, что Берке вознамерился заключить союз с Белой IV. Хан Золотой Орды предложил Беле установить брачные связи между их детьми и обещал освободить Венгрию от уплаты дани, а в ответ просил о присоединении четвертой части вооруженных сил Венгрии к монголам в их кампании против народов Запада. По окончании кампании они должны были получить пятую часть захваченной добычи. Столкнувшись со столь ужасной дилеммой, Бела обратился за помощью к римскому папе Александру III, которая, конечно же, не была предоставлена, хотя весьма раздраженных советов было дано в избытке. Бела медлил, отправив куманоговорящего посланника к Берке, но тут изменение ситуации в другом месте заставило Берке удалить этот союз из списка приоритетов.

²⁷ О происхождении этого термина см.: Егоров В.Л., 1985, с.154.

После смерти Бату в течение нескольких лет политический пейзаж оставался практически неизменным. При жизни Бату Монгольская империя была, по существу, двуглавой: он служил *под началом* – или, вернее, *вместе* с тремя Великими ханами, и с годами его власть скорее росла, чем ослабевала. В терминах кровного родства Берке был не дальше от Мункэ или нового Великого хана Хубилая (1260-1294 гг), чем Бату, но мы не находим в их отношениях и следа теплоты, так характерной для отношений между Бату, с одной стороны, и Угэдэем и Мункэ, с другой. Новым фактором стало увеличение в глазах монголов важности Китая и Ирана. Судьба уготовила Хубилаю роль основателя династии Юань в Китае, а потомкам Хулагу выпала доля стать правителями Ирана. Хубилай и Хулагу были родными братьями, естественно расположенными к сотрудничеству, в то время как Берке являлся для них одним из многочисленных кузенов, живущим в весьма отдаленных землях, едва ли представлявших для них какой-либо интерес. Кроме того, после смерти Мункэ Берке поддержал Арик-Бугу, соперника Хубилая, чего последний, конечно же, никогда не забывал. Со временем разногласия между Берке и Хулагу стали более серьезными, поскольку ильхан оказывал всевозрастающее влияние на соседние с Золотой Ордой регионы, например, на Азербайджан. Отдельные части Монгольской империи медленно расходились, а их правители все больше думали о пользе своих непосредственных подданных, игнорируя общие интересы огромного государства Чингизидов.

К обострению антагонизма между Берке и Хулагу подвигали также религиозные и этнолингвистические факторы. Среди чингизидских правителей Берке был первым, кто принял ислам, и он, как считают, был уязвлен нападением Хулагу на Багдад и последующим убийством халифа. Действительно, в первые годы правления Берке на некоторых монетах, выпускавшихся в Булгаре, чеканилось имя прославленного халифа аль-Насира (1180-1225 гг), весьма почитаемого в странах ислама (Федоров-Давыдов Г.А., 1968, с.95). Мамлюки Египта, принципиальные враги Хулагу, были теми же самыми кыпчаками (куманами), что и тюркские подданные Берке, составлявшие этническое и лингвистическое большинство населения Золотой Орды. Султан Египта Бейбарс был первым, кто осознал потенциальные преимущества союза с Берке, с которым он вошел в контакт в 1261 году. Бейбарс имел причины верить в общность египетско-золотоордынских интересов и, вероятно, был поощрен

пассивностью Берке в конфликте, достигшем высшей точки 3 сентября 1260 г, когда в битве при Айн-Джалуте²⁸ в Галилее предшественник Бейбарса султан Кутгуз разгромил монгольский корпус генерала Хулагу Кит-буки, расставшегося в этом сражении с жизнью. Тюркская армия мамлюков показала, что она является достойным соперником тюрко-монголо-иранской армии ильхана. Смерть Хулагу в 1265 г не положила конец военным действиям между двумя монгольскими государствами, Золотой Ордой и Персией, и только смерть Берке в 1266 г предотвратила развитие нового полномасштабного конфликта между ним и преемником Хулагу Абагой (1265-1282 гг).

Кыпчакские узлы оказались более сильными, чем солидарность монголов, и тесные связи, установившиеся между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, побудили ильханов искать союзников в тылу мамлюков. Возможность союза между ильханами и франками прощупывалась обеими сторонами. После захвата монголами 24 февраля 1260 г Дамаска иерусалимский патриарх Жак Панталеон (1255-1261 гг) направился к Хулагу с целью выяснения его намерений относительно объединенных действий против мамлюков. Когда его избрали римским папой под именем Урбан IV (1261-1264 гг), он занимался этим же вопросом, диалог продолжался также между его преемником папой Клементом IV (1265-1268 гг) и ханом Абагой. Контакты между ними были весьма часты и нацелены на координацию восточных и западных сил, чтобы уравновесить мощную мамлюкскую угрозу. Как только Эдуард Английский (будущий Эдуард I) 9 мая 1271 г высадился в Акре, он тут же стал добиваться помощи от Абаги. По ряду причин, анализ которых не входит в наши задачи, союз между ильханами и Западом не реализовался. Усилия Берке и его преемника Менгу-Тимура (1267-1280 гг) были достаточно эффективными для изоляции ильханов от Средиземноморья до тех пор, пока крах владений франков в Святой Земле не сделал иллюзорными надежды на сотрудничество между ними и ильханами.

Главные заботы Берке были связаны с югом: ильханами, мамлюками и, в меньшей степени, с Византией. Отношения Византии с ильханами можно охарактеризовать как дружественные: Абага был зятем Михаила VIII Палеолога (1261-1281 гг), внебрачная дочь которого Мария была обручена с Хулагу, а после смерти жениха вышла замуж за его сына и преемника. Вместе с тем, избегая риска, Михаил VIII не делал ничего, что могло бы вызвать конфликт с Берке, с государством ко-

²⁸ Последнее исследование этого сражения см.: Amitai-Preiss R., 1992, pp.119-150. Оно снабжено подробными ссылками на все предшествующие опыты, за исключением статьи E.Schutz (1991, pp.3-22), не попавшей в поле зрения Р.Амитай-Прейс.

торого Византия имела протяженную границу. И действительно, Ефросинья, другая его незаконная дочь, была замужем за Ногаем, честолюбивым и могущественным монгольским темником, в своих действиях весьма независимым от Берке.

Географическое положение Константинополя делало его обязательным пунктом посещения купцами или послами, которыми обменивались Египет и Золотая Орда. Отношения между Золотой Ордой и Египтом были завязаны на общих интересах в торговле и внешней политике. Египет зависел от Золотой Орды в импорте рабов – на них основывалась мощь мамлюков, и их приобретение в Орде было весьма прибыльным занятием. Историк ал-Омари чрезвычайно лестно отзываясь о физических и умственных качествах тюрок из Кыпчакской степи (Lech K., 1968, p.138). Во внешней политике союз между Золотой Ордой и мамлюками оставался лучшим способом держать ильханов в напряжении. Взаимные контакты должны были осуществляться через проливы, контролируемые императором Византии, который при случае мог задержать посланников. Один такой эпизод имел место в 1265 г, когда отношения между Берке и Михаилом VIII Палеологом обострились до открытой враждебности. Вероятной причиной конфликта была задержка императором сельджукского султана Иззедина Кейкавуса II, лишившегося покровительства Хулагу и бежавшего в Константинополь, где он был весьма прохладно встречен Михаилом VIII, опасавшимся обидеть ильхана. По причинам, которые мы здесь не будем рассматривать, Кейкавус II был даже заключен в тюрьму, пока весной 1265 г его не освободили войска Ногай и болгарского царя Константина. Монгольские отряды тогда разорили многие области Фракии и Болгарии (Zlatarski V.N., 1940, pp.514-516). Кейкавус II, в конечном счете, был доставлен в Крым, на территорию Золотой Орды, где и умер в 1279 году. Инцидент сам по себе малозначительный, но иллюстрирует шекотливое положение Византии, зажатой между двумя взаимно враждебными монгольскими государствами.

Вспомним, что возвращающиеся из Венгрии монгольские армии сошли на территории Болгарии, в то время управляемой регентами при несовершеннолетнем короле Коломане. Чтобы избежать вторжения, подобного пережитому Венгрией, они решили признать монгольский сюзеренитет. В течение следующих лет источники ничего не сообщают о монголо-болгарских отношениях, но в письме Белы IV римскому папе, написанном в 1254 г, указывается, что в то время болгары все еще платили дань монголам (Fejér G., 1829, p.219). Очевидно, кампания 1265 г была первым случаем, когда болгарские обязательства перед монголами вовлекли их в военное предприятие.

Религия в контактах между славянским населением Золотой Орды и Византией являлась сферой, значительно более важной, чем политика или торговля. Завоевание в 1261 г Михаилом VIII Палеологом Константинополя восстановило там главенство православной церкви и патриархата, которому Русская церковь была подчинена с момента своего учреждения. Огромный авторитет, который имели русский митрополит, епископы и духовенство вообще, наряду с языком представлял наиболее сильный из факторов, скреплявших политически раздробленное население и объединявших его через восточное христианство с Византией. Несмотря на обращение в ислам, Берке, в целом, поддерживал давнюю монгольскую традицию религиозной терпимости, а Менгу-Тимур, вернувшийся к неопределенному теизму ранних монгольских правителей, даже предоставил церкви важные привилегии вроде освобождения от налогов.

Те, кто пережил бойню, сопровождавшую вторжение монголов, как правило, были предоставлены сами себе, им было разрешено вести привычный образ жизни, в значительной степени не потревоженный культурно и расово отличающимися от них победителями. Для тюркских обитателей степи монголы были близкородственными, и завоеватели в результате брачных связей были постепенно абсорбированы, тюркизированы. На севере, в земледельческой зоне и в лесных регионах, повседневная жизнь славянских поселений протекала под контролем монголов, проводившемся через русских князей. Князья должны были являться к хану, чтобы получить подтверждение права управлять, но сам выбор князей остался прерогативой русских, и монголы обычно не вмешивались в этот процесс. Их главной заботой был сбор налогов, который в начале их правления осуществляли ордынские должностные лица (баскаки), но постепенно с нач.XIV в. перешел в руки русской администрации. В ранний период монгольского господства налогообложение было до некоторой степени случайным и взималось, главным образом, натурой – людьми, животными, продуктами питания и фуражом, мехами; но с течением времени оно было реорганизовано, так что между оседлым и кочевым населением в этом плане появилось различие. Первые выплачивали *калан* (русская *пошлина*), вторые – *копчур*, оставшийся нерегулярным налогом (ср.: Smith J.M., 1970, pp.307-345).

Монгольское завоевание, безотносительно к произведенному им длинному ряду последствий, мало повлияло на политическую инфраструктуру русских княжеств и, как уже было сказано выше, укрепило связующий фактор, представленный церковью. Собственно говоря, русские князья, занятые непрерывающейся, часто вооруженной, борьбой

друг с другом, старались не оскорбить хана – как из страха перед ответными карательными мерами, так и в расчете на его помощь в разрешении внутренних конфликтов. Русь и Золотая Орда развивались почти параллельно, как будто они были соседними государствами, иногда дружественными, а временами враждебными, когда действия правителей Золотой Орды походили на вмешательство внешней силы. Эффективность монгольского управления значительно уменьшилась при двух наследниках умершего в 1280 г Менгу-Тимура, настолько слабых, что их пребывание на престоле едва ли можно назвать правлением. Первый из них, Туда-Менгу, более интересовавшийся исламом, нежели государственными делами, отрекся от власти в 1287 г, а его племянник и преемник Тюля-Буга (1287-1291 гг), кроме организации двух неудачных походов против Аргуна, больше ничем не прославился. При подстрекательстве Ногая он был убит Токтаем, сыном Менгу-Тимура.

С кон.1260 гг Ногай представлял собой наиболее энергичную фигуру в Золотой Орде и часто рассматривался иностранцами как ее правитель или “царь”, впрочем, этим титулом сам он никогда не пользовался. Жизнь Ногая прошла в непрерывных войнах. Он неоднократно вмешивался в междоусобные конфликты русских княжеств, в 1285 г вторгся в Трансильванию, а в следующем году заставил сербского короля Стефана II признать его сюзеренитет. Он также подтвердил монгольские притязания на Болгарию, убил свинопаса Ивайло, лидера популярного мистического движения, сделал Георгия Тертера (1280-1302 гг) своим вассалом, а после бегства Георгия в Византию передал трон своему ставленнику Смилеку.

Когда он помог молодому Токтаю захватить власть, то, без сомнения, надеялся найти в нем марионетку, которой можно управлять или игнорировать, смотря по обстоятельствам. Однако дело повернулось иначе, так как Токтай (1291-1312 гг)²⁹, человек исключительных способностей, взял бразды правления с явным намерением действовать самостоятельно. Столкновение между ним и его старым наставником стало неизбежным, но при первой пробе сил Токтай был побежден. Примерно годом позже, вероятно, в конце 1299 г, Ногай, симулируя болезнь, что было его обычной уловкой, и выдавая себя за немощного старика, попытался произвести неожиданное нападение на Токтая, но тот, будучи в курсе истинного положения дел, подготовился к сражению, в котором армия Ногая была разгромлена, а сам он убит. Многие из предприятий Ногая,

особенно на Балканах, были бесполезны, но они, конечно же, создавали видимость величия монголов, коему он пытался служить, проявляя незаурядный талант. Самым разумным его ходом стало налаживание дружественных отношений с ильханами Персии. Правда, Токтай тоже, с некоторыми подъемами и спадами в степени искренности, придерживался политики мира с ильханами.

В Иране после смерти Абаги краткое время правления Негудера, принявшего ислам и взявшего новое имя Ахмад (1282-1284 гг), было прервано бурными событиями и привело к интронизации буддиста Аргуна (1284-1291 гг), чье правление было отмечено серьезными финансовыми неприятностями. Общая ситуация в стране еще больше ухудшилась при его брате Гейхату (1291-1295 гг), смещенном переворотом, который возвел на трон его племянника, сына Аргуна, Газана (1295-1304 гг). В правление Газана многолетний вопрос о том, кому принадлежит Закавказье, обострился вновь. В 1301 г после нерешительной попытки захватить спорные территории, Токтай попробовал достичь той же цели дипломатическими средствами – и тоже безрезультатно. Газан умер рано, в возрасте 32 лет, и Токтай, ведя дела уже с третьим ильханом, упорно продолжал добиваться удовлетворения своих территориальных притязаний, оказывая давление на нового ильхана Олджайту (1304-1316 гг). Сдержанная реакция мамлюкского султана ал-Малика ан-Насира на предложение совместных действий против ильхана заставила Токтая изменить политику. Мир, заключенный им с Олджайту, положил конец долгой братоубийственной борьбе. В письме, написанном по-монгольски Филиппу Красивому летом 1305 г, Олджайту информировал короля Франции о счастливом повороте событий³⁰:

“... (Мы,) потомки Чингиз-хана, в течение срока пяти лет вплоть до настоящего времени потворствовали взаимным обвинениям, но теперь, покровительствуемые Небом, все мы, старшие и младшие братья, достигли взаимного согласия и от страны Китай, где солнце встает из-за пределов мира, мы объединили наши страны и связали их почтовыми станциями”.

Желание Олджайту мира с Золотой Ордой и союза с франками было искренним, но мотивировалось оно, в первую очередь, намерением усилить свои позиции по отношению к мамлюкам. В переписке с римским папой Клементом V он предлагал передать 200 тысяч лошадей, а также огромное количество зерна в распоряжение христианских армий, чтобы они высадились в Киликийской

²⁹ Токтай, возможно, был христианином. По этому вопросу см.: Sinor D., 1993, p.112 и указанную там литературу.

³⁰ Текст у: Mostaert A., Cleaves F.W., 1962, p.55.

Армении, где к ним присоединятся 100 тысяч монгольских всадников и во главе с ильханом нападут на мамлюков. Армянский принц Гетум, известный как историк Гайтон, располагал точными сведениями о ситуации³¹:

“Что касается меня, весьма хорошо знающего намерения татар, я твердо убежден, что они охотно бы ... захватили все города и земли христиан, но так как в этих землях летом стоит сильная жара, и татары не могут оставаться в них, они с легкостью согласились оставить их в руках христиан. Войну же против египетского султана татары ведут не из-за земли (им и так уже принадлежит вся Азия), но потому, что султан – их главный враг, который может причинить им вреда больше, чем кто-либо еще”.

Мы видим здесь очередной пример мстительности монголов и неуклонного преследования ими своих врагов. Переписка Олджайту с королями Франции, Англии, Арагона и с римским папой обнаруживает его живой интерес к укреплению связей с Западом³². Ради этой цели, демонстрируя добрую волю, он был готов на уступки в религиозной сфере. Хотя Олджайту стал правоверным мусульманином и начал преследование буддистов, он не препятствовал христианскому прозелитизму среди своих подданных. Францисканские и доминиканские миссионеры беспрепятственно действовали на территории государства Хулагуидов.

Мир между правителями Золотой Орды и ильханами был непродолжительным. При Абу-Саиде (1316-1335 гг), последнем успешном ильхане, союз был аннулирован мирным соглашением (1323 г) с Египтом, которое, положив конец длительной вражде между ильханами и мамлюками, неизбежно вело к возобновлению конфликта между двумя братскими монгольскими государствами. Хаотическое состояние, в которое Персия погрузилась после смерти Абу-Саида, не требует от нас детального рассмотрения; но ясно, что в этой запутанной истории конфликт с Золотой Ордой сыграл не последнюю роль. В 1335 г преемник Токтая Узбек совершил нападение на Азербайджан, а в 1357 г его сын и наследник Джанибек (1342-1357 гг) даже захватил Тебриз; распадающееся государство Ильханидов не могло организовать достойное сопротивление силам вторжения Золотой Орды.

Власть монголов в русских землях оказалась более прочной, чем власть ильханов в Персии, как уже отмечалось, отчасти из-за сотрудничества с русскими князьями. Но политика монголов

не была неизменной, и особенно в течение долгого правления Узбека (1313-1341 гг) в отношениях Орды с Москвой произошли важные перемены. Покровительство, которое Узбек оказывал московскому князю Ивану I Калите, было не только признанием заслуг последнего как исправного сборщика налогов, но также и признанием его как доверенного союзника. Так, например, в 1328 г Иван с помощью монголов разгромил Тверь, где годом ранее во время восстания был убит посланник хана. В 1331 г Узбек предоставил Ивану “великое княжение над всей Русью”, и до конца жизни Ивана – он умер в 1340 г – отношения между ним и ханом оставались дружественными. Существует мнение, что Иван был всего лишь послушным инструментом в руках Узбека, простым исполнителем его политики, которая формулировалась без учета интересов Руси. Однако, хотя гегемония Узбека не может быть оспорена, от сотрудничества выигрывали обе стороны. Протатарская позиция Ивана не препятствовала ему решать в свою пользу внутренние проблемы, в то время как в сфере внешней политики союз являлся эффективной защитой от литовской экспансии, столь же неприятной русским, как и татарам. Та же самая политика осуществлялась преемниками Узбека и Ивана – Джанибеком и Симеоном (1340-1353 гг). Несмотря на все вышесказанное, в течение всего этого периода ни одно важное решение, касающееся войны или мира, заключения союза или порядка наследования, не могло быть принято без согласия Орды; вследствие глубокой вовлеченности в междоусобные распри русских княжеств монголы целиком опустили на уровень своих подданных. Их власть не была ни всеохватывающей, ни полной в северо-восточных районах Руси, где, как правило, они действовали через послушных им русских князей. Фактически в этих отдаленных от степи областях баланс военных сил изменялся не в пользу завоевателей. Коалиция князей могла покончить с доминированием монголов; и если это не происходило, то лишь потому, что “татарское иго” не слишком тяжело давило на их плечи. В начале своего правления Иван II (1353-1359 гг) тоже шел по пути, уводящем от владычества Золотой Орды, но отчасти под давлением своих бояр был принужден изменить эту политику и после смерти Джанибека отправился в Сарай испрашивать у нового хана Бердибека (1357-1359 гг) ярлык, подтверждающий его великокняжеский статус.

³¹ Hayton, 1906, pp.245 и 357. Полный английский перевод Emmanuel J.Mickel с комментариями Edmond Schutz и Denis Sinor находится сейчас в стадии подготовки.

³² По этой теме существует обширная литература. Для ознакомления см.: Sinor D., 1975b, pp.513-544. Богатое собрание соответствующих документов содержится у: Lupprian K.-E., 1981.

Убийство Бердибека открыло длинный период внутренней борьбы, завершившийся утратой доминирующего положения Золотой Орды в Восточной Европе. Хотя это был и не первый случай, когда монголы были разбиты в бою, все же Куликовская битва, состоявшаяся 8 сентября 1380 г, в которой татарская армия темника Мамаю потерпела сокрушительное поражение от Великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича Донского, всегда считалась поворотным пунктом в русско-татарских отношениях: она, наконец, разрушила веру в непобедимость татар. Хотя в 1382 г военная кампания, предпринятая Токтамышем – фактическим правителем Золотой Орды (1380-1395 гг), закончилась захватом Москвы и новым подтверждением главенства Орды, катастрофу на Куликовом поле уже нельзя было вычеркнуть из памяти.

Токтамыш был последней видной фигурой в истории Золотой Орды, деятелем с большим политическим предвидением, однако, он совершил фатальную ошибку, вызвав вражду своего прежнего покровителя и наставника Тамерлана (Тимура). Именно с помощью Тимура в 1377 г Токтамыш, имевший сомнительное происхождение, стал главой Белой Орды (иногда называемой Синею)³³, прежде бывшей владением старшего брата Бату Орды-Ичэна и занимавшей степи к востоку от Урала, теперь являющиеся частью Казахстана. Пользуясь благоприятной ситуацией, созданной Куликовской битвой, Токтамыш объединил силы Белой и Золотой Орды. Опьяненный этими успехами, он почувствовал себя готовым воевать с самим Тимуром, и в 1387 г, и потом вновь в 1388 г вторгся на территории, бывшие под суверенитетом Тимура. Продолжительная кампания, организованная Тимуром³⁴, принесла ему победу в июне 1391 г, но не положила конец беспокойной агрессивности Токтамыша. В 1394 г он возобновил попытки проникнуть к югу от Кавказа, спровоцировав, тем самым, карательную экспедицию Тимура, которая сначала привела к разрушению преуспевающих генуэзских торговых центров в Крыму, а в конце 1395 г и Сарая. Как и в Киеве, ужас резни и опустошения демонстрируют раскопки этого некогда процветавшего города. Изрубленные скелеты свидетельствуют об отчаянных, но тщетных попытках мужчин, женщин и детей избежать судьбы, уготованной Тимуром, об уничтожении города и всех его жителей. Не осталось никого, кто бы мог похоронить мертвых (Федоров-Давыдов Г.А., 1968, с.145-148).

Даже не склонный к эмоциям историк должен был бы сделать здесь паузу, чтобы поразмышлять о мотивах экспедиций Тимура на север, ибо они не поддаются разумному объяснению. Какую цель они преследовали? Согласно арабскому историку ал-Омари, современнику Узбека, огромная территория Золотой Орды была обильна степями и бедна городами. По сравнению с доходами ильханов, свидетельствует ал-Омари, бюджет ханов Золотой Орды был более чем скромным. Из-за недостатка хорошего вооружения и низкого качества лошадей, непригодных для использования в горном ландшафте, страна была плохо подготовлена к войне (Lech K., 1968, p.136). Кампании против Токтамыша требовали оперативной и материально-технической подготовки колоссального масштаба и тяжелых многомесячных рейдов через пустыни и болота, представлявших серьезное испытание даже для закаленных войск Тимура. Какие узы солидарности соединяли этих людей? Чистая радость борьбы – едва ли понятная членам общества, подобного американскому, где психологическая помощь требуется даже свидетелям вооруженного ограбления банка – не могла быть испытана в долгом и трудном походе, не обещающем никакой другой добычи, кроме стад низкого качества, которые, скорее всего, погибли из-за отсутствия привычных пастбищ, или, в лучшем случае, некоторого количества золотых или серебряных изделий, которые будет нелегко распределить среди массы воинов. Однако Сарай³⁵ не был каким-нибудь Багдадом или Дели с их несметными сокровищами, и армия Тимура могла найти страны с добычей, более обильной, чем та, что ожидала ее в Кыпчакской степи. Правда, еще остаются женщины, которые, конечно же, необходимы, но то, что они могли предложить, не являлось особенностью только лишь тех мест и могло быть найдено в менее отдаленных местностях.

Таким образом, историк вновь стоит перед периодически проявляющимся феноменом завоевания ради завоевания и должен признать существование неосознанной, но действенной способности харизматического лидера сплотить людей для опасного рейда в неведомые земли. Из всех военных свершений так называемой монгольской эры ни одно, кажется, не было столь же бессмысленным как кампании Тимура против Токтамыша, который избежал пленения Тимуром, чтобы потерять свою жизнь в Сибири в 1406 году.

³³ См.: Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с.118-122 с пояснениями относительно административного термина “Орда”.

³⁴ Описана у: Nagel T., 1993, pp.193-201.

³⁵ Рассматриваемый город, располагавшийся на месте современного Царевского городища, обычно определяется как Новый Сарай; он, вероятно, был основан Берке. Старый Сарай, располагавшийся близ Астрахани, по всей видимости, начал свое существование при жизни Бату. О двух Сараях см.: Егоров В.Л., 1985, с.112-117.

Объективно разрушение столицы не могло стать фатальным ударом для Золотой Орды, поскольку Сарай никогда не играл роли, столь же важной как Багдад или Дели. Тем не менее, это событие стало важной вехой в постепенном ослаблении Золотой Орды, лишив ее той связующей силы, которая в течение полутора столетий скрепляла разноплеменное население. Ничем не проявившие себя ханы, следовавшие за Токтамышем, – мы знаем лишь их имена – не могли ни установить достаточно сильную центральную власть, ни выработать эффективную политику, ни руководить армией, способной к ее выполнению. Вплоть до своей смерти в 1419 г только Едигей еще представлял силу, с которой должны были считаться русские, литовцы и поляки; однако и его деятельность была, главным образом, реакцией на происходящие события, не обнаруживая ни ясного плана, ни дальних замыслов. К тому времени татарские улусы довольно часто оказывались обычными наемниками на службе иностранных правителей, которые знали или делали вид, что знают, какие цели они преследуют. Золотая Орда распалась, поскольку исчез смысл ее существования [raison d'être], а население ее разуверилось в полезности сохранения единого государства. Преемники Золотой Орды – Казанское, Астраханское и Крымское ханства, казалось, лучше отвечали местным интересам или, по крайней мере, люди надеялись, что они такими будут. Хотя ханы, возможно, продолжали взыскивать дань с Русских княжеств³⁶, в практическом плане они больше не рассматривали русские земли как часть своего государства. Язык и религия, несмотря на внутренние разногласия, являлись мощной связью между русскими князьями, заставляя их, равно как и их славянских подданных, дистанцироваться от татарских ханов, основа власти которых как в языке, так и в религии была раздроблена в большей степени. Позвольте мне кратко рассмотреть эти два фактора.

Можно не сомневаться в том, что в сер. XIII в. в ставке Бату монгольский язык был общеупотребительным, но, вероятно, в силу общей неграмотности монгольские тексты с территории Золотой Орды, за редчайшими исключениями, до нас не дошли³⁷. Большинство ярлыков, данных золотоордынскими ханами, существует только в русском переводе. Согласно А.П. Григорьеву, их оригиналы

были написаны по-монгольски, а затем переведены на куманский язык. Окончательная русская версия – всего лишь грубый перевод, сделанный с тюркского текста (Grigor'ev A.P., 1987, p.85). Ясно, что в зависимости не только от периода, но также и от обстоятельств, золотоордынская канцелярия использовала или тюркский, или монгольский язык³⁸. Оригинал ярлыка Узбека от 20 марта 1314 г, известного нам только в латинском переводе, был, несомненно, написан по-монгольски (Sinor D., 1993, pp.111-112). Существование персидско-монгольских и арабо-монгольских словарей, датирующихся сер. XIV в. и предназначенных для использования мамлюками в Египте, предполагает, что имелась практическая потребность в таких пособиях в канцеляриях, обрабатывавших переписку с Золотой Ордой. Таким образом, разумно заключить, что письма, адресованные мамлюкам, а может быть и ответные, были написаны по-монгольски. Нет никаких доступных данных, чтобы выяснить, когда кыпчакский тюркский язык стал превалировать в делопроизводстве золотоордынской администрации. В 1393 г Токтамыш пользовался тюркским языком в письме королю Польши Ладиславу II. Язык, именованный в венецианских реестрах “персидским”, возможно, был тюркским, как в ныне утерянном договоре, заключенном в 1333 г между Золотой Ордой и Венецией (Spuler B., 1965, p.291).

Не подлежит сомнению, что куманский язык больше употреблялся как родной язык местного населения; его вездесущность удостоверена многими путешественниками, и итальянский купец Ф. Пеголотти в своем коммерческом руководстве, написанном в сер. XIV в. и обычно называемом *La Pratica della Mercatura*, убеждает своих коллег нанимать слуг, хорошо знающих куманский язык (Pegolotti F., 1936, p.22).

Главный документ куманского языка, распространенного на территории Золотой Орды, это так называемый Codex Cumanicus³⁹, являющийся компиляцией различных текстов, первоначально записанных итальянцами и немцами в первом десятилетии XIV века. Его тексты, включая латино-персидско-куманский и кумано-немецкий словари, переводы на куманский латинских гимнов и извлечений из Библии, краткие проповеди и загадки, со-

³⁶ Следует напомнить, что еще в 1700 г русские продолжали выплачивать дань крымским ханам.

³⁷ Выдающийся пример – монгольские песни, записанные на бересте в XIV в. (Поппе Н.Н., 1941, с.81-136).

³⁸ По вопросу об официальном языке, использовавшемся в Золотой Орде, см.: Григорьев А.П., 1981, с.81-89. Для общего представления о языковой ситуации в Золотой Орде см.: Spuler B., 1965, pp.285-293 (эта работа несколько устарела, но все еще полезна).

³⁹ Даже сокращенная библиография работ, в которых рассматривался Codex, вышла бы за пределы этой статьи. К счастью, теперь мы имеем авторитетное исследование (Ligeti L., 1981, pp.1-54), которое должно служить основой для дальнейшего изучения Codex Cumanicus.

ставлены в одной из итальянских колоний на северном побережье Черного моря для практических надобностей. Важный момент, который должен быть учтен здесь в интересах заявленной цели, заключается в следующем: в то время как куманский язык содержал множество заимствований из монгольского языка, о чем свидетельствуют тексты, составители словаря полагали, что в данных обстоятельствах куманский и даже персидский языки будут более необходимы его пользователям, нежели монгольский. То есть под монгольским сюзеренитетом язык господствующего этноса не доминировал в Крыму. Таким образом, фактически, на огромной территории Золотой Орды за первенство боролись три языка: монгольский, русский и тюркский куманский, каждый со своей собственной письменностью. Но в этой борьбе у них были неравные возможности. Славянский русский и тюркский куманский языки поддерживались солидным корпусом литературных произведений, записанных соответственно в кириллической и арабской системах письма. Они, в свою очередь, являлись звеньями двух больших конкурирующих цивилизаций Западной Евразии – христианского и исламского миров, имеющих богатую письменную традицию. Монгольская же письменность, недавно заимствованная у тюркоязычных уйгуров, была лишена прочного фундамента, способного ее поддержать. Тонкая монгольская страта не имела собственной литературы и, следовательно, той историко-политической традиции, на которую можно было опереться.

Барьер между возрастающим числом тюркоговорящих монголов, которых для отличия мы можем называть татарами, и славянами пролегал не только в лингвистической плоскости; религиозное различие было столь же мощным фактором дифференциации. Здесь имел место трехсторонний и, возможно, даже четырехсторонний конфликт. С течением времени традиционные религиозные верования, которые в сер. XIII в., безусловно, исповедовались ведущей монгольской стратой, не получили поддержки в виде организованного духовенства и не обрели священных книг, которыми можно было бы руководствоваться. Монгольский аналог Библии или Корана не был создан.

При Узбеке и Джанибеке ислам, пустивший глубокие корни в тюркской среде еще в домонгольское время, приобрел общее признание, хотя его сторонники остались терпимыми к другим верам. Никто не обрисовал их позицию лучше, чем монах Иоганка, согласно которому, татар меньше всего заботило, “кто какой веры держится – с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону”⁴⁰.

Русская ортодоксальная церковь имела двойное преимущество перед римскими католиками. Собственно говоря, от католической церкви ее отличала лучшая приспособленность к светским задачам, но еще важнее было то, что она была уже надежно укоренена на большей части территорий, попавших под власть монголов. Православная епархия была учреждена в Сарае еще в 1261 году. С другой стороны, Рим должен был посылать в эти отдаленные страны “миссии”. Ярлык, данный, вероятно, Менгу-Тимуром и позволявший францисканцам вести миссионерскую деятельность, в 1314 г был возобновлен принявшим ислам Узбеком⁴¹. В его правление, как и при его предшественниках, католические миссионеры могли работать, в целом, беспрепятственно⁴². Некоторые из них, к примеру, вышеупомянутый венгерский монах Иоганка, “следуя за лагерем монголов” (Bihl M., Moule A.C., 1924, p.66: *castra Tartarorum sequendo*), проповедовали Евангелие далеким башкирам. Это западное присутствие в северной лесной зоне – *in partes infidelium aquilonares*, как называли эти места францисканцы, – достойно быть отмеченным, потому что оно, кажется, исчезло без следа⁴³. Все же мы знаем, что некий Эстокис, правитель Башкирии, вместе со всем своим семейством был окрещен немецким францисканцем по имени Генри⁴⁴. В 1320 г Иоганка просил свое начальство направить туда других миссионеров, предпочтительно англичан, немцев или венгров, более одаренных в овладении иностранными языками, нежели французы или итальянцы. Религиозные столкновения случались, главным образом, из-за провокационного поведения христиан, как это имело место в 1334 г с венгром францисканцем Стефаном, который перешел в ислам,

⁴⁰ Nam diversas nationes sibi potencia prelii de populis xristianis Tartari subiecerunt, quos permanere sinunt in sue legis et fidei obseruanciis, non curantes vel modicum quisquam sectam tenuerit: sic ut in temporalibus seruiis, tributis et vectigalibus ac sequelis bellicis suis faciant dominis, ad que obligantur secundum edictam legis (Bihl M., Moule A.C., 1924, p.66).

⁴¹ Об обращении в ислам Узбека см.: DeWeese D., 1994, pp.93-158; Sinor D., 1993, pp.111-112.

⁴² Для общего обзора миссионерской деятельности католической церкви на территории Золотой Орды см.: Richard J., 1977, pp.87-98.

⁴³ Беглое ознакомление с российскими работами, касающимися башкир, создало у меня впечатление, что эти латинские источники для специалистов по ранней истории башкир остаются пока неизвестными.

⁴⁴ Estokis dominos totius Baschardiae cum uxore et filiis et families multa [baptizatus est] (Golubovich G., 1913, p.73).

потом передумал и принялся торжественно провозглашать христианскую веру прямо в Сарайской мечети, из-за чего и принял мученическую смерть. Однако христианство в любой его форме не могло противостоять наступлению ислама, повлекшему масштабные исторические последствия. По проницательному высказыванию Бертольда Шпулера: “Триумф ислама среди кыпчакских монголов дал эффект, противоположный тому, который последовал за триумфом ислама среди персидских монголов; тогда как последние полностью идентифицировали себя со своими подданными, первые создали между собою и своими [славянскими] подданными четко выраженный религиозный барьер. ... Выбрав ... курс своей нации к исламу, они устранили любую возможность ее русификации” (Spuler В., 1960, p.52).

Монголы были последним центральноазиатским народом, принесшим новый слой населения на окраины Европы. Хотя они не сделали сколько-нибудь заметного вклада в Западную цивилизацию, их историческая роль была значительной. История показывает, что народы Центральной Евразии старались овладеть центром любой оседлой цивилизации, которая оказывалась в сфере их интересов. Хунну, жуан-жуани и тюрки так смотрели на Китай, гунны и авары – на Византию. Для монголов на западе Землей Обетованной, кажется, был Иран. Конечно, они вели кампании в Польше или Венгрии и посылали надменные письма римскому папе и другим западным государям, но их взоры снова и снова устремлялись на юг – через Кавказ в Анатолию и Иран. От Берке до Токтамыша правители Золотой Орды упорно и безуспешно пытались реализовать мечту о приведении под свою власть южных стран. Их связи с Монголией, своей отдаленной родиной, давали им представление о необъятности территории, которая могла управляться централизованно. Богатства Ирана, Ирака, Месопотамии и Малой Азии были более близкими и более привлекательными, чем богатства малоизвестной, раздробленной Европы. Их взоры были обращены к исламскому миру, к которому они присоединились как раз тогда, когда тот вступил в период застоя. Они передали свое видение мира в наследство правителям России, начавшей расширяться на восток и юг более интенсивно, чем на запад. Мы не хотим вступать здесь в продолжаю-

щиеся дискуссии относительно вклада монголов, если таковой, вообще, имел место, в позднейшую Российскую цивилизацию. Все же я рискну предположить, что свойственная русским сбалансированная оценка важности Европы и Азии и большая по сравнению с европейцами расовая терпимость должны считаться наследием монгольского мировосприятия. Чтобы позволить некоторым поднятым бровям опуститься и расслабиться после чтения этого утверждения, я процитирую мнение, высказанное более столетия назад последовательным противником российского империализма в Центральной Азии Джорджем Н. (позднее лордом) Керзоном, в книге, посвященной “большой армии русофобов, вводящих в заблуждение других, и русофилов, вводимых в заблуждение другими”. Оно было выражено следующим образом:

“Русский дружелюбен в истинном смысле этого слова. Он лишен и тени сознательного превосходства и тяжелого высокомерия, которые для разжигания враждебности делают даже больше, чем может сделать жестокость ... Его собственная непобедимая беззаботность позволяет ему легко придерживаться принципа невмешательства [*laissez-faire*] в дела других, и терпимость, с которой он относится к религиозным практикам, социальным обычаям и частным предубеждениям своих азиатских товарищей-подданных, тоже является результатом не столько дипломатического расчета, сколько следствием его врожденной *беспечности*” (Curzon G.N., 1889, p.399).

Хотя язык и религия были важны для определения и поддержания национальной идентичности, как это часто случается, результат борьбы за национальное выживание был решен степенью фертильности. В пределах нескольких поколений победившие монголы были поглощены побежденным тюркским населением. Процесс ассимиляции был настолько быстрым, что ал-Омари уже мог заявить, что монголы и кыпчаки, казалось, принадлежали к одной и той же расе (Lech K., 1968, p.141). Он, таким образом, повторил точку зрения, по Ибн ал-Асиру, высказанную столетием ранее самими монголами (Lech K., 1968, p.2). Когда монголы в результате естественного процесса исчезли, в борьбу за наследство Золотой Орды вступили два конкурента – славяне и тюрки. Соперничество продолжается.

Литература и архивные материалы

- Аннинский С.А.**, 1940. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе// Исторический архив. Т.Ш. М.; Л.
- Григорьев А.П.**, 1981. Официальный язык Золотой Орды XIII-XIV вв.// ТС. 1977.
- Джиованни дель ПIANO Карпини**, 1993. История монгалов// Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы.
- Егоров В.Л.**, 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Каргер М.К.**, 1958. Древний Киев. Т.1. М.
- Пашуто В.Т.**, 1970. Монгольский поход в глубь Европы// Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Поппе Н.Н.**, 1941. Золотоордынская рукопись на бересте// Советское востоковедение. Вып.7.
- Рубрук Г.**, 1993. Путешествие в восточные страны// Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М.; Л.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1968. Курганы, идолы, монеты. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini**, 1958. The History of the World Conqueror/ transl. by Boyle J.A. I-II. Manchester.
- Albericus Trium Fontium**, 1874. Chronica Alberici monachi Trium Fontium a monacho Novi Monasterii Hoiensis interpolate// MGH. SS. XXIV.
- Allsen T.**, 1991. Mongols and North Caucasia// AEMAe. 7.
- Amitai-Preiss R.**, 1992. 'Ayn Jalut Revisited// Tarzh. 2.
- Bihl M., Moule A.C.**, 1924. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314-1322// Archivum Franciscanum Historicum. 17.
- Blake R.O., Frye R.N.**, 1949. History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc'// HJAS. 12.
- Curzon G.N.**, 1889. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London.
- DeWeese D.**, 1994. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Penn.
- Dorrie H.**, 1956. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn and Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/1235) and nach Russland (123?) and der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren// Nachrichten der Ak. d. Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Klasse. 6.
- Fejér G.**, 1829. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T.IV. Vol.2. Budae.
- Gießauf J.**, 1995. Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine. Graz.
- Göckenjan H.**, 1985. Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen and Zeitgenossen (1235-1250)// Ungarns Geschichtsschreiber. 3. Graz; Wien.
- Golden P.B.**, 1997. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipcaqs// AEMAe. 9.
- Golubovich G.**, 1913. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa a dell'Oriente Francese. II. Firenze.
- Grigor'ev A.P.**, 1987. Grants of Privileges in the Edicts of Toqtamis and Timur Qutlug// Between the Danube and the Caucasus/ ed. by G.Kara. Budapest.
- Halperin Ch.J.**, 1983. The Defeat and Death of Batu// Russian History/Histoire russe. 10.
- Hayton**, 1906. La Flor des estoires d'Orient. In Recueil des Historiens des Croisades, Documents Armeniens II. Paris.
- Hildinger E.**, 1996. The Story of the Mongols Whom We Call Tartars. Historia Mongalorum quos nos Tartaros apellamus. Boston.
- Huillard-Breholles J.L.A.**, 1861. Historia diplomatica Frederici secundi. Vol.VI, 2. Paris.
- Klopprogge A.**, 1993. Ursprung and Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert// Asiatische Forschungen. 122. Wiesbaden.
- Lech K.**, 1968. Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār. Wiesbaden.
- Ligeti L.**, 1971. Histoire Secrete des Mongols. Monumenta Linguae Mongolicae Collecta I. Budapest.
- Ligeti L.**, 1981. Prolegomena to the Codex Cumanicus// AOH. 35.
- Lindner R.P.**, 1981. Nomadism, horses, and Huns// Past and Present. 92.
- Lupprian K.-E.**, 1981. Die Beziehungen der Papste zu islamischen and mongolischen Herrschern im 13// Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Studi a testi. 291. Citta del Vaticano.
- Marquart J.**, 1914. Über das Volkstum der Komanen// Abhandlungen der Konigischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Kist. KL. N. F. XII.

- Matthew Paris**, 1882. *Chronica Majora*. Ed. H.R.Luard. Vol.VI. London.
- Mostaert A., Cleaves F.W.**, 1962. *Les Lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Argun et Oljeitu a Philippe le Bel*. Harvard Yenching Institute. *Scripta Mongolica Monograph Series* 1.
- Nagel T.**, 1993. *Timur der Eroberer and die islamische Welt des späten Mittelalters*. München.
- Olbricht P., Pinks E.**, 1980. *Meng-Ta pei-lu und Hei-Ta shih-lueh. Chinesische Gesandtenberichte über die frühen Mongolen*. *Asiatische Forschungen*. Bd.56. Wiesbaden.
- Pegolotti F.**, 1936. *La Pratica della Mercatura// Medieval Academy of America*. Publ. № 24/ ed. by A.Evans. Cambridge, Massachusetts.
- Pelliot P., Hambis L.**, 1951. *Histoire des campagnes de Gengis khan*. Cheng-wou ts'in-tcheng lou. Leiden.
- Pian di Carpine G.**, 1989. *Storia dei Mongoli/ a cura di P Daffma, C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.D.Menesto, L.Petech*. Spoleto.
- Rashid al-Din**, 1971. *The Successors of Gengis Khan// transl. by Boyle J.A*. New York; London.
- Rerum Italicarum Scriptores 7/2, 1936-1938/** ed. by C.A.Garufi. Roma.
- Richard J.**, 1965. *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. Documents relatifs a l'histoire des croisades publiés par l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*. VIII. Paris.
- Richard J.**, 1977. *La Papauté et les Missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe-XIVe siècles)// Collection de l'Ecole Française de Rome*. 22. Rome; Paris.
- Rogers G.S.**, 1996. *An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe// East European Quarterly*. 30.
- Schmieder F.**, 1997. *Johannes von Plano Carpini. Kunde von den Mongolen 1245-1247*. Sigmaringen.
- Schutz E.**, 1973. *Tatarenstürme in Gebirgsgeleude. (Transkaukasien, 1220, 1236)// CAJ*. 17.
- Schutz E.**, 1991. *The Decisive Motives of Tatar Failure in the Ilkhanid-Mamluk Fights in the Holy Land// AOH*. 45.
- Scriptores Rerum Hungaricarum, 1938/** ed. by E.Szentpetery. II. Budapest.
- Sinica Franciscana I**. *Itinera et relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV, 1929/* ed. by A. van den Wyngaert. Quaracchi; Firenze.
- Sinor D.**, 1941-1942. *La mort de Batu et les trompettes mues par le vent// Journal asiatique*.
- Sinor D.**, 1952. *Un voyageur du treizieme siecle: le Dominicain Julien de Hongrie// BSOAS*. 14.
- Sinor D.**, 1957. *John of Plano Carpini's Return from the Mongols. New Light from a Luxemburg Manuscript// JRAS*.
- Sinor D.**, 1972. *Horse and Pasture in Inner Asian History// Oriens Extremus*. 19.
- Sinor D.**, 1975a. *On Mongol Strategy// Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, edited by Ch'en Chieh-hsie*. Tainan.
- Sinor D.**, 1975b. *The Mongols and Western Europe// A History of the Crusades III/ gen. ed. K.M.Setton*. Madison. Wisconsin.
- Sinor D.**, 1977. *Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe*. London.
- Sinor D.**, 1993. *Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek// Essays on Uzbek History, Culture, and Language/ ed. by B.A.Nazarov, D.Sinor*. Indiana University Uralic and Altaic Series. 156. Bloomington, Indiana.
- Sinor D.**, 1995. *Western Information on the Kitans and Some Related Questions// JAOS*. 115.
- Smith J.M.**, 1970. *Mongol and Nomadic Taxation// HJAS*. 30.
- Spuler B.**, 1960. *The Muslim World. An Historical Survey. Part II. The Mongol Period*. Leiden.
- Spuler B.**, 1965. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223-1502*. Wiesbaden.
- Strakosch-Grassman G.**, 1893. *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242*. Innsbruck.
- The Mongol Mission**. *Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries, 1955/* ed. by Ch.Dawson. London; New York.
- Zarncke F.**, 1876. *Der Priester Johannes, II. Abhandlungen der Königl. sachsische Gesellschaft der Wissenschaften*. Phil.-hist. KL.VIII.
- Zlatarski V.N.**, 1940. *Istorija na Bulgarskata durzava prez srednite vekove*. III. Sofia.